

LABYRINTH

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КУЛЬТУРЫ

3

МАЛЫЙ ГОРОД
(БЛАГО И БРЕМЯ ТУРИЗМА)

2023

LABYRINTH

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КУЛЬТУРЫ

Научный журнал

Издается с 2020 года

№ 3 — 2023

---

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
как электронное издание
Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-78952 от 7 августа 2020 года*

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционный совет

Главный редактор:

Михаил Юрьевич Тимофеев, Ивановский государственный университет (Иваново)

Владимир Абашев, Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский общественный фонд культуры «Юрятин» (Пермь)

Марина Абашева, Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)

Дмитрий Замятин, Высшая школа урбанистики имени А. А. Высоковского (Москва)

Мария Литовская, Государственный университет Чжэнчжи; Институт истории и археологии Уро РАН (Тайбэй, Китайская Республика (Тайвань) / Екатеринбург)

Якуб Садовский, Ягеллонский университет (Краков, Польша)

Михаил Строганов, Институт мировой литературы РАН; Тверское областное краеведческое общество (Москва / Тверь)

Елена Трубина, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Сергей Ушакин, Принстонский университет (Принстон, США)

Мария Черняк, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Галина Янковская, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: +79038787799. E-mail: labyrinth@ivanovo.ac.ru

Электронная копия журнала размещена на сайте
<https://labyrinth.ivanovo.ac.ru>

Редакционная коллегия

- Роман Абрамов**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт социологии РАН (Москва)
- Кирилл Балдин**, Ивановский государственный университет (Иваново)
- Константин Бугров**, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; Уральский
федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)
- Ури Гершович**, независимый исследователь (Иерусалим, Израиль)
- Денис Докучаев**, Ивановский государственный университет (Иваново)
- Оксана Игнатьева-Вильбоа**, Пермский государственный национальный исследовательский
университет (Пермь)
- Михаил Ильченко**, Лейбниц-Институт истории и культуры Центральной и Восточной Европы
(ГВЦО) (Лейпциг, Германия)
- Светлана Касаткина**, Череповецкий государственный университет (Череповец)
- Татьяна Круглова**, Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)
- Олег Лысенко**, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)
- Йордан Люцканов**, Институт литературы Болгарской академии наук (София, Болгария)
- Мария Миловзорова**, Ивановский государственный политехнический университет (Иваново)
- Лилия Немченко**, Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина; Гильдия киноведов и кинокритиков Союза кинематографистов
России (Екатеринбург / Москва)
- Лариса Петрова**, Екатеринбургская академия современного искусства (Екатеринбург)
- Дарья Радченко**, Московская высшая школа социальных и экономических наук; Российская
академия народного хозяйства и государственной службы (Москва)
- Елена Раскатова**, Ивановский государственный университет (Иваново)
- Андрей Россомахин**, Санкт-Петербургский государственный университет; Европейский
университет в Санкт-Петербурге; Государственный музей В. В. Маяковского
(Санкт-Петербург / Москва)
- Ирина Савкина**, независимый исследователь (Тампере, Финляндия)
- Инна Смирнова**, Ивановский государственный университет (Иваново)
- Нина Спутницкая**, Академия медиаиндустрии; Музей кино; Всероссийский государственный
институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва)
- Джереми Ховард**, Сент-Эндрюсский университет (Сент-Эндрюс, Великобритания)

LABYRINTH

THEORIES AND PRACTICES OF CULTURE

Scholarly Journal

Has been issued since 2020

№ 3 — 2023

---

*The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media as an electronic edition
Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-78952 dated August 7, 2020*

Founded by Ivanovo State University

Editorial Council

Editor-in-Chief

Mikhail Yu. Timofeev, Ivanovo State University (Ivanovo)

Vladimir Abashev, Perm State National Research University;
Perm Public Cultural Foundation "Yuryatin" (Perm)

Marina Abasheva, Perm State National Research University;
Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)

Dmitry Zamyatin, Vysokovsky Graduate School of Urbanism (Moscow)

Maria Litovskaya, National Chengchi University; Institute of History and Archeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Taipei, Republic of China (Taiwan) / Yekaterinburg)

Jakub Sadowski, Jagiellonian University (Krakow, Poland)

Mikhail Stroganov, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
Tver Regional Local Lore Society (Moscow / Tver)

Elena Trubina, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg)

Sergey Ushakin, Princeton University (Princeton, USA)

Maria Chernyak, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg)

Galina Yankovskaya, Perm State National Research University (Perm)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: +79038787799. E-mail: labyrinth@ivanovo.ac.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
<https://labyrinth.ivanovo.ac.ru>

Editorial Board

Roman Abramov, National Research University Higher School of Economics; Institute of Sociology RAS (Moscow)

Kirill Baldin, Ivanovo State University (Ivanovo)

Konstantin Bugrov, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Uri Gershovich, independent researcher (Jerusalem, Israel)

Denis Dokuchaev, Ivanovo State University (Ivanovo)

Oksana Ignatieva-Vilboa, Perm State National Research University (Perm)

Mikhail Ilchenko, Leibniz Institut; Institute of Philosophy and Law, (Leipzig, Germany)

Svetlana Kasatkina, Cherepovets State University (Cherepovets)

Tatyana Kruglova, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Oleg Lysenko, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)

Yordan Lyutskanov, Institute of Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Maria Milovzorova, Ivanovo State Polytechnic University (Ivanovo)

Lilia Nemchenko, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Guild of Historians of Cinema and Film Critics of the Union of Cinematographers of Russia (Yekaterinburg / Moscow)

Larisa Petrova, Yekaterinburg Academy of Contemporary Art (Yekaterinburg)

Daria Radchenko, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences; Russian Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Elena Raskatova, Ivanovo State University (Ivanovo)

Andrey Rossomakhin, St. Petersburg State University; European University at St. Petersburg; State Museum of V. V. Mayakovsky (St. Petersburg / Moscow)

Irina Savkina, independent researcher (Tampere, Finland)

Inna Smirnova, Ivanovo State University (Ivanovo)

Nina Sputnitskaya, Academy of Media Industry; Film Museum; All-Russian State Institute of Cinematography named after S. A. Gerasimov (Moscow)

Jeremy Howard, University of St Andrews (St Andrews, UK)

СОДЕРЖАНИЕ

Тематический блок. МАЛЫЙ ГОРОД (БЛАГО И БРЕМЯ ТУРИЗМА)

Дж. Говард	
Гленротес: между благом и бременем туризма	7
М. А. Романенкова	
«Молодость древнего Суздаля»: гостинично-туристский комплекс и проблема ассимиляции модернистской архитектуры в историческом ландшафте	39
Е. Д. Бугрова	
Сатка: моногород мультитуризма	54
А. В. Марков	
Местная галерея в современной русской прозе: об одном рассказе Анны Матвеевой	61

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА. БОЛГАРИЯ

К. Спасова	
Вычитание человека у Миглены Николчиной: по ту сторону автоматизации и анимализации	68
Информация для авторов	73

CONTENTS

Thematic Block. SMALL TOWN: Boon and Bane of Tourism

J. Howard	
Glenrothes: betwixt the Boon and Bane of Tourism	7
M. A. Romanenkova	
“The youth of ancient Suzdal”: hotel and tourist complex and the issue of modernist architecture assimilation in the historical setting	39
E. D. Bugrova	
Satka: single-industry multi-tourism city	54
A. V. Markov	
Local Gallery in Modern Russian prose: about a story by Anna Matveeva	61

FOREIGN LITERATURE. BULGARIA

K. Spassova	
Human Subtraction from Miglena Nikolchina: beyond automation and animalization	68
<i>Information for the authors</i>	73

Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 3. С. 7—38

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2023. No. 3. P. 7—38.

Научная статья

УДК 338.48-44(1-87)

DOI: 10.54347/Lab.2023.3.1

ГЛЕНРОТЕС: МЕЖДУ БЛАГОМ И БРЕМЕНЕМ ТУРИЗМА

Jeremy Howard

Сэнт-Эндрюсский университет, Сэнт-Эндрюс, Великобритания,
E-mail: jch2@st-andrews.ac.uk

Аннотация. Как туристическое направление Файф в центральной части восточной Шотландии получил международное признание. Здесь мы анализируем преимущества и недостатки такого признания, когда маркетинговые приоритеты и традиции отдаются живописным и историческим местам побережья, а не новому городу, то есть Гленротсу (основан в 1948 г.) в центре графства. Отбрасывая предубеждения, присущие брендингу Файфа, мы обнаруживаем, что Гленротес обладает уникальным набором качеств, способных сделать его привлекательным для посетителей и отдыхающих. Мы изучаем идентичность и развитие города через проявления, маркирующие его потенциальную и актуальную привлекательность для иногородних (а также жителей). Изображения, отобранные из открыток 1950-х и 1960-х годов, проанализированы с целью пролить свет на замечательную послевоенную планировку Гленротса, а также представить его новаторскую современную церковную архитектуру и городское искусство, которые делают его достойным посещения. Мы рассматриваем туристические стратегии, разработанные местными и национальными агентствами, и в связи с этим пытаемся исследовать отдельные «рабочие» и «художественные» праздники, в том числе праздник Сильвии Грейс Борда в Гленротсе (2008), и, наконец, приводим для сравнения аналог этого города в России — Волжский Волгоградской области (2018).

Ключевые слова: туризм, открытка, архитектура, церковь, торговый центр, городское искусство, Гленротс, Вудсайт, Волжский

Для цитирования: Howard J. Гленротес: между благом и бременем туризма // *Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 3. С. 7—38.*

Original article

GLENROTHES: BETWIXT THE BOON AND BANE OF TOURISM

Jeremy Howard

University of St Andrews, St Andrews, UK, E-mail: jch2@st-andrews.ac.uk

Abstract. As a tourist destination, Fife in central eastern Scotland is internationally recognized. Here we analyse the advantages and disadvantages of such recognition when marketing priorities and traditions are given over to picturesque and historic coastal locations rather than a new town, i.e., Glenrothes (founded 1948), in the center of the county. In stripping away, the prejudices

inherent in the branding of Fife, we reveal that Glenrothes has a unique set of qualities that are capable of making it visitor- and holiday-attractive. We study the identity and development of the town through manifestations that mark its potential, and actual, appeal to outsiders (as well as residents). The images selected for picture postcards in the 1950's and 1960's are deconstructed in order to shed some light on the remarkable postwar planning of Glenrothes, as well as to introduce its pioneering modern church architecture and town art, all of which make it very worthy of visiting. We consider tourism strategies generated by local and national agencies and with that move to probe individual "working" and "art"-related holidays, in particular, Sylvia Grace Borda's in Glenrothes (2008), and, ultimately, for comparison's sake, the author's own version of these in Volzhskiy, Russia (2018).

Keywords: tourism, postcard, architecture, church, shopping centre, town art, Glenrothes, Woodside, Volzhskiy

For citation: Howard, J. (2023) Glenrothes: mezhdubлаго i bremia turizma [Glenrothes: between the boon and bane of tourism], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 3, pp. 7—38.

Introduction

I had originally thought of making this article a comparative analysis of two postwar new towns, Volzhskiy in Russia and Glenrothes in Scotland. I got to know Volzhskiy in 2018, the same year as I was heavily involved in an exhibition, booklet and short film about Glenrothes¹. The similarities of the towns seemed obvious: both were founded on the basis of major, energy-producing, industrial initiatives: Glenrothes, around coal mining, in 1948, Volzhskiy, around a hydroelectric power station, in 1951. Also, both were exceptional models in planning; both aimed at a very high level of state-provided social provision; and both were, essentially, off the tourist track... For this itinerant "scholar" of life, then, they are ideal places to take a holiday, to relax, and at the same time to learn. But ultimately, though I do bring in some comparisons with Volzhskiy at the end, with that hope to offer food for thought for further study, here I confine myself almost entirely to Glenrothes, not least because it has so much to give in terms of the pros and cons of tourism.

2023 is the seventy-fifth anniversary of Glenrothes, built on rolling farmland in eastern Scotland. It was founded to be a boon for the Scottish population in the wake of the devastation of the Second World War. There was to be a huge coal mine, Rothes Colliery, designed by the Hungarian architect Egon Riss. It would provide employment for the newly settled population brought from the economic wastelands of Glasgow and elsewhere. Glenrothes was to be a model modern town, conceived by a specially created "Development Corporation", Scotland's second such post-war experiment that learned from the mistakes of the first. It was to be a place where work and non-work life were in harmony.

Glenrothes: on and off the tourist track

Glenrothes is a town whose current population is around 40000, making it the third largest community in the so-called Kingdom of Fife and the eighteenth largest in Scotland. Look at these two "popular" maps of where it is situated close to the centre of the county [Figs 1 and 2]. Both are from the late twentieth century. Both highlights, through images of historic architecture, key tourist destinations within Fife. That produced by Alba Cartographics (c. 1980s) shows four sets of buildings, from Culross Town House in the west, through Falkland Palace in the centre, to the Royal & Ancient Golf Clubhouse at St Andrews and the Crail Tolbooth in the east [Fig. 1]. These iconic buildings date from between the sixteenth and nineteenth centuries and are regarded as historic monuments. The second map was published first (c. 1970) and it illustrated alternative monuments,

¹ Carolyn Scott's and Andy Sym's film on the contribution of David Harding, Glenrothes town artist 1968-78, is titled *Concrete Safari*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DhA-DaPQKZo>.

i.e., Dunfermline Abbey, Lochleven Castle, St Monans Church, St Andrews Cathedral and Castle [Fig. 2]. These dated back earlier than the Alba Cartographics selections, i.e., essentially to between the eleventh and sixteenth centuries. Now, however, they were accompanied by: sketches of the Robinson Crusoe statue (1885) from the site of Alexander Selkirk's birthplace in Lower Largo; some fisherfolk by the small coastal burghs of the so-called East Neuk (Pittenweem, Anstruther and Crail); three renowned bridges that join the Fife peninsula with its neighboring lands across the Forth and Tay Rivers; and a yacht and cruise liner in the nearby North Sea. From the size and proliferation of images, the focus and primary tourist destination seems clear: it is the area King James VI is supposed to have called the "Golden Fringe", this being the fishing communities-turned-holiday resorts at the eastern end of the peninsula, rather than what he considered the "beggar's mantle" of the interior, i.e. where Glenrothes lies.

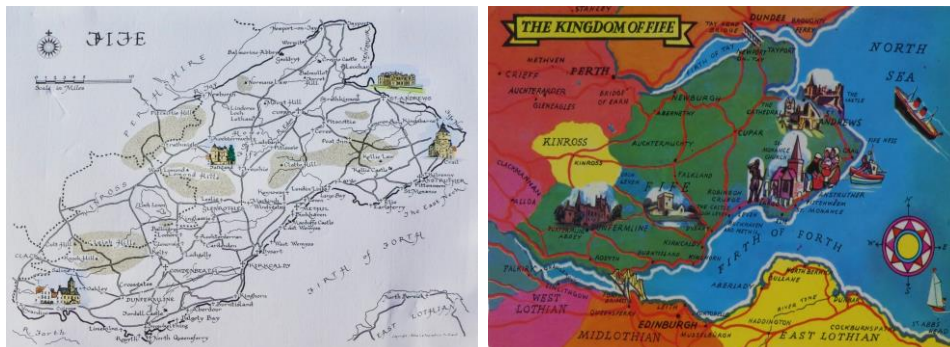

Fig. 1,2

Neither of these maps depicts the railways, preferring instead to illustrate the main roads and thereby suggesting that visiting or travelling around in Fife were principally determined by car or bus travel. To a large extent this was true due to the act of gross folly that comprised the closure of numerous railways in the 1960s, this, in turn, leading to a huge increase in polluting traffic negotiating the narrow, bending roads that crisscross the undulating terrain of the county. But the second map not only eradicates the remaining railways it also omits any hint of Glenrothes, covering its geographic place with the picture of Lochleven Castle (which, as the first map shows, is not even in Fife). At least the first map denoted Glenrothes in upper-case writing and with a large cross, thereby recognizing something of its status or at least giving it equivalence to other similarly acknowledged towns.

Windows on Glenrothes: reading from its picture postcards

The second map was published as a picture postcard by Photo Precision Limited, under its brand name of Colourmaster International. It therefore belongs to the medium most associated with mass tourist communication for much of the twentieth century. It is worth putting its neglect of Glenrothes into a context of misguided presumption that is at least two-fold, i.e.: 1) that it could simply be bypassed en-route to more significant tourist locations, particularly those by the sea with their beaches, hotels and caravan sites; and 2) that since it was a new (and inland) town, founded only in 1948, it essentially was not a place for tourism. Built mainly on gently undulating land that had been fields, woods and parks, it was a modern place designed to serve its new industry-based community (which, following the failure of the coal mine, by the mid-1960's, became electronics). Visitor attractions were therefore low priority in its planning. To a great extent this vision saved Glenrothes from being turned into a picturesque faux-museum realm catering more for temporary incomers than inhabitants. On the other hand, it also meant that the town could be misconstrued and derided by haughty outsiders, not least romantic pleasure-, leisure- and history-seekers driving or riding by on the A92 road, the arterial carrying the majority of them, from south or north, to the Fife seaside and beyond.

While the evidence of some visitors, postcard manufacturers and local agencies refutes such charges, the opinions of detraction hold sway. A widely disseminated and supposedly professional opinion is instructive in this regard. It was offered by London architect Stephen Gardiner after witnessing (and scorning) a town planning conference in St Andrews meant that he could extoll what the historic coastal city had to offer while lamenting new Glenrothes. From his pompous, ignorant and false words about ‘what people like and don’t like’, he must have seen very little of Glenrothes on a most fleeting, passing stop. His observations, thus turn into those of an anti-modern hack journalist (he was writing for the English Sunday newspaper *The Observer*). Here are excerpts from four paragraphs:

St Andrews happens to be a very exciting town set in a superb stretch of Scottish coastline. It’s not a big place, but it is all there — what people like and don’t like... they like their market square, where most of the shopping goes on. It buzzes with activity all day long: quite a big space surrounded by two- or three-storey houses, with a very irregular roofline. But there are enough elements to suggest a pleasant feeling of order — the square form, the oblong windows of the usual eighteenth-century kind, repetitive views (as on the Continent) to little courtyards behind the street facade, and stepped gable-ends (a Scottish characteristic) to buildings.

They also like the ruins of their cathedral (demolished by John Knox) — this was evident from the numbers lying about sunbathing: a lovely garden has been made out of bits of cloisters and arched screens. They like their houses: these have painted, clean, happy fronts. And they like the port — sailing boats collect in clusters everywhere. They don’t, however, appear to like the University’s new Hall of Residence (architect: J. Stirling) which, completed only a couple of years ago, is being allowed to rust away and crack, and now begins to look like an abandoned defence-post built, say, in the thirties.

Nor do people like Glenrothes, the new town not far from St Andrews. This was started just after the war, and the later phases of the development have the bleakness of an Army encampment: no gardens, no variations of material, no references at all to the local style of the two villages on either side of it. People do like these villages, and this is where the life of Glenrothes really goes on. It is there that the indigenous architecture, for which people clearly crave, exists...

The conference would have been well advised to break up and its participants gone swimming or golfing: the sea and the famous course are St. Andrews’s best amenities, and the business of the summer school could have been enjoyed at either².

Gardiner’s dismissive diatribe, and pro-St Andrews tourist view, can be dovetailed into a critical interpretation of the Scottish government-funded (i.e., British public-funded) national tourist board, now called VisitScotland. We can even charge it, despite its selective mention of Glenrothes’ recreational amenities, with reinforcing the prejudices that Gardiner’s piece typifies. The board’s corporate internet homepage announces its mission: ‘Our main aim is to contribute significantly to the advancement of Scottish tourism by giving it a real presence in the global marketplace and benefiting the whole of Scotland’³. Yet, if one searches its ‘places-to-go’ pages Glenrothes does not appear, while the much smaller city of seaside St Andrews does, it being graced with “11 Amazing Things To Do in St Andrews”, e.g., the ruined cathedral and castle, ghost tours, a spy mission treasure trail, aquarium, museum and food tour, all of these being illustrated by high quality photographs⁴. Only by deeper searching can one find Glenrothes, it’s worth being evaluated as follows:

Located in central Fife, the town was developed during the 1950s and 1960s. It has excellent recreational facilities, including parkland, various sports venues and two golf courses. In recent years, Glenrothes has become a focus for electronics manufacturing, earning it the nickname ‘Silicon Glen’, after Silicon Valley in the USA⁵.

² Stephen Gardiner, “Object Lessons”, *The Observer*, 17 September 1972, p. 35. The “two villages” he mentions are Leslie and Markinch.

³ See: <https://www.visitscotland.org/>. Accessed 15 May 2023.

⁴ See: <https://www.visitscotland.com/places-to-go/st-andrews/things-to-do>.

⁵ See: <https://www.visitscotland.com/info/towns-villages/glenrothes-and-markinch-p238971>. Accessed 15 May 2023.

If the brevity of this entry is telling, even more so is its emphasis on games and industry rather than the innovative planning, design and artwork that in many ways comprise the best, and thereby potentially most tourist-attractive, elements of the town. And since we are concerned with tourism let us use two others postcards to introduce these.

a) From Postcard One (c. 1955): Woodside

On 26 July 1955 a picture postcard was sent to the Ross sisters in Peebles, thirty kilometers south of Edinburgh [Fig. 3]. The handwritten message on the back noted:

Glenrothes. Spending a nice week here. Very warm. Hope you are both well. Kind regards from J [illegible signature]⁶.

Whoever J was they chose as their summer destination a town with no hotels. Since there is no mention of “being on holiday”, it may have been that J’s decision to visit Glenrothes was either work- or family-related. In any case, the time spent there was “nice” and the card chosen to represent the town was a sepia multiview³ one. It belonged to the “Best of All Series” of cards published by J. B. White of Dundee from 1926 to 1966, these featuring “real photographs” from different parts of Scotland. Although this may well

Fig. 3

have been the first Glenrothes picture postcard, its appearance also conformed to the fashion of other British postwar postcard publishers, particularly the more renowned Valentine & Sons (also of Dundee), for cards in which four views of places considered worth a visit and/or prime signifiers of the location, were composed around a central medallion of a black cat with the motto “Good Luck from...”. In White’s Glenrothes case this feline symbol of fortune was replete with a painted-on jaunty neck bow-tie. The cat stares out beyond the viewer from between an assemblage of views of residential streets. All are from the Woodside quarter (or “precinct” as the distinct neighbourhoods are known), this being the first area of the town to be built. All represent Woodside in sunny weather, with clean and virtually empty streets. The top left image is of Woodside Way, this actually then doubling as the main A92 arterial that dissects the county from southwest to northeast, Woodside having originally been a hamlet of a few small houses either side of the road. A row of semi-detached houses, known as Happer Terrace and built in the late 1940s, is seen on the left side of the spotless tarmac. Two-storey, with pitched, tiled and cross-gabled roofs, small front gardens and trees they speak to the vernacular-cum-modern housing traditions of English and Scottish garden cities developed in the early twentieth century. Contemporary electric street lights and a bus stop with brick wall, benches and two figures, align the broad diagonal of the road and pavement. The photograph was taken just south of the Leslie Railway that connected, from 1861 until its closure in 1967, the nearest historic burghs (Leslie and Markinch), and thereby the area with the main east coast line of the British Isles.

Woodside Way, followed by four crescent-streets radiating out to its east, comprised the very first development of the new Woodside precinct. This was designed and constructed by Fife County Council while the newly established Glenrothes Development Corporation (GDC) was drafting what would become the town’s Outline Plan (1951). The postcard celebrates the division of responsibility and changing style of housing that the two agencies manifested in Woodside. Thus, although all the photographs are taken a stone’s throw from each other, that below Woodside Way is a view of Bighty Avenue,

⁶ Author’s collection.

another council project, while both on the right are of GDC designs⁷. With Bighty Avenue, our attention is drawn past some small, neat front gardens on the left to two houses on the other side. These each comprise four small dwellings in a terrace, and while they have tiled, pitched roofs with gables, the window shapes and positions are more varied than on Happer Terrace, their larger and smaller sizes seemingly more responsive to function. This picturesque vernacular vocabulary is furthered by the two sides of the roofs being unequal (shorter to the rear than at the front) and their street facades containing dormer window projections of two sizes. Now, rather than folk waiting for a bus, we are presented with a parked car and a standing woman on either side of the street, their diminutive size in the middle distance conveying a sense of harmonized living to the scene.

The two photographs on the right show the then most recent builds in Woodside, these encapsulating the first buds of the modest modernism that was to become a hallmark of GDC architecture. The upper picture looks towards Hollytree Road from its pedestrianized open-space junction with Woodside Way, as if the photographer of the image across from it had just turned his camera lens forty-five degrees to the right. Now the line of new housing that our eyes are drawn towards is a set of small terraced villas with shallow, monopitch roofs and central balconies. In a play with Scottish tradition, these were harled in a variety of hues and had ground floors embellished by decorative rectangles of flat and projecting face bricks under a narrow, tapered canopy. Again, the pavements, roads and grass look pristine, modern street lighting is in evidence and diminutive figures (now an adult and child) are visible mid-distance. The image is complemented by that beneath it, this likewise concentrating on the spacious layout of a new street — now Balgonie Avenue (immediately north of Bighty Avenue). Here we are introduced to one of Glenrothes' earliest three-storey block of flats, which adds variety in terms of scale and modern design to the more conventional terraces of two-storey, pitched roofed houses in the distance. Let us compare all four of the postcard's images with how the sites look nearly seventy years later. In so doing we might question whether, with the passage of time, and knowing what we now know, it would make sense to offer outsiders 'Good luck from Glenrothes' using these views. I think it does [Figs 4—7].

Figs 4—7

⁷ At Woodside, the Council completed 308 houses, these being followed by 924 constructed by the GDC.

Through its illustrated introduction of the new postwar urban environment that the planners and contractors of Glenrothes were working to create, the postcard alludes to aspects of its development that tourist agencies subsequently ignored. This neglect means that the notable achievements of Woodside visualized in the street pictures, as well as the others just around their corners, have become invisible to those dealing in visitor business. Yet Woodside was a pioneering development, its

Fig. 8

GDC designs, produced under chief architect Peter Tinto, marking the emergence, and in many respects high points, of two remarkable figures of postwar Scottish architecture: Anthony Wheeler and Nina Forbes. Furthermore, the line of houses in the photograph of Holytree Road comprise the eastern termination of an experimental 'segregated layout', this being a pedestrianized precinct of four (c. one-hundred-metre) parallel paths, facing onto each of which is a terrace of four houses very similar to those visible on the postcard [Fig. 8]. The green credentials of the plot were highlighted 1) by the local shrubs after which the paths were named (ash tree, lilac, hawthorn and rowan tree); and 2) because:

This area was the first in the town to be consciously landscaped. This job was done superbly by W.G. Rowntree Bodie who was the Corporation's Chief Planning Officer. The paths offer safe accommodation and play areas for families with young children⁸.

Crucially, for us at least, the attractiveness of the path terraces, their neighbouring streets, square, amenities and green setting were both highlighted and contextualized in *New Towns: Their Origins, Achievements and Progress*, a key study of British modern urban planning by leading authorities of the garden city movement and its legacies, Frederic J. Osborn and Arnold Whittick:

As originally conceived, of the 5730 acres (2319 ha), only 1950 (789 ha) would form the built-up area of the town; the remainder would form a green belt to continue in agricultural use. Thus Glenrothes, like East Kilbride, but unlike the new towns in England, was to enjoy the advantage of a green belt controlled by the development corporation. The region is one of gentle wooded hills and valleys with the Lomond Hills to the north and Goatmilk Hills to the west, and it can fairly be described as one of the most beautiful of the new town sites...

Because of the undulating character of the site, and because of the varied types of houses and flats, combined with an irregular grouping, the residential areas are visually attractive... In one long rectangular site in Woodside, the two long sides are linked by pedestrian ways and the terrace houses face on to these with gardens backing on to the next pedestrian way, while the houses turn the corner towards one of the roads... Semi-detached houses are irregularly grouped on the plot opposite. The other grouping in The Beeches consists of a row of terrace houses with projecting entrance blocks running at an angle to the road, abutting a 3-storey block of flats running transversely, while a spacious lawn and flower beds grace the area which is partially enclosed and screened from the road by a row of beeches. This delightful effect is repeated with variations by similar arrangements in other parts...

Of the shopping centres in each of the precincts, that at Woodside merits special attention because of its very attractive plan and disposition of buildings. It is situated at the corner of Woodside Way and The Beeches. Buildings are grouped on three sides enclosing a paved pedestrian square patterned with flower beds, and furnished with a newspaper and magazine kiosk. On the north side is a long row of shops in 3-storey blocks, with flats

---

⁸ Alistair J. D. Wood, *40 Years New Glenrothes*, Glenrothes, 1989, pp. 51—52. Wood notes that the layout was designed by architect Spike Williams and engineer Matthew Kilpatrick.

above and projecting to form protective arcading for shoppers; at the west end is a shorter row of shops with maisonnettes over, and on the south side is a community hall to seat 240, which has an interesting barrel vault shell concrete roof. The paved courtyard connects with The Beeches by means of a short pedestrian way, and at the rear of the building is a parking area and garages. The buildings are well proportioned, their height is sufficient to give a sense of enclosure, the square is large enough to give an agreeable impression of space, while the flower beds give touches of colour and gaiety. The general effect is very pleasant⁹.

Of the sixty-four architects listed as having worked for the GDC during its forty-seven-year existence, Nina Forbes is the only woman. In fact, she was also a pioneer for professional women architects in Scotland all together, only being preceded by two or three others. Furthermore, early in her decade working for the GDC (c. 1950—60), Forbes was responsible for the design of its first award-winning housing development, this being The Beeches. One of the double-pitched roofed houses on the street with this name is in White's photograph of Hollytree Road: it intersects the line of Wheeler-designed terraced houses in the distance. However, Forbes won the 1954 Housing Design Award of the Saltire Society for the scheme opposite the visible house [Fig. 9]. The prestigious awards were for the best designs in terms of contribution to Scotland's cultural heritage, a contemporary report summing up Forbes' accomplishment:

Fig. 9

The Beeches are situated on the south side of an existing shelter belt of mature beech trees which have been preserved and used to full advantage, the houses being planned in two L-shaped terraces each, terminating in a three-story flatted block. The open unfenced lawn forecourts and gardens give an air of spaciousness to the layout at the front, while the gardens and drying greens at the back are screened from the road by the houses and flats themselves. In other words, the landscape treatment is exceptionally good in relation to the design of the flats and houses.

Three versions of the three-apartment size of the house are used, all having through living-rooms, with kitchen entrances to the front (on the other side of the projecting staircase feature from the front entrance). The rather wide frontages of the terrace houses — nearly 30 feet — might be considered a little extravagant. The houses are well planned internally.

The design of the front is unusual with the serrated elevation of the houses foiled by the projecting mass of the three-storied flatted blocks. This treatment is rhythmically emphasized and enriched by the use of brightly colored corrugated panels on the staircase projection, painted red and blue alternately. The flatted blocks, though satisfactory in mass, tend to be dull in detail, though their very simplicity certainly adds to their effectiveness as foils to the terraced houses...

The Beeches makes an important, interesting and pleasing contribution to contemporary Scottish town architecture in general and to housing design in particular¹⁰.

If Forbes' award-winning designs are just out of shot in the postcard, houses, probably designed by Anthony Wheeler in collaboration with Senior Architect Spike Williams, dominate its two right-side images. Forty years later, in 1995, when in retirement, Wheeler recalled the Woodside achievement of a "villagy small scale atmosphere", aided

⁹ Frederic J. Osborn, Arnold Whittick, *New Towns. Their Origins, Achievements and Progress*, Lonon: Leonard Hill, 1977, pp. 403—411.

¹⁰ "Glenrothes Housing Design. Corporation Receive Award", *Fife Free Press*, 31 December 1955, p. 8. The article also noted that Forbes was thirty-one years of age, married and living at *The Beeches*. Founded in 1936 to promote Scottish culture and heritage, the Saltire Society continues to make its annual awards in several fields.

by the inclusion of his community hall and shopping centre (in the triangular plot between Woodside Way, Hollytree Road and The Beeches), as a “grouping around a square”, the whole ensemble being one of his ‘most satisfying jobs’¹¹. It was this square that was to become a favourite for postcard manufacturers, it appearing on at least three cards by Valentine between late 1955 and 1963¹², as well as our second Glenrothes multiview postcard. Wheeler was to become a celebrated and prolific architect, especially renowned for his sensitive redevelopment of several historic burghs of eastern Scotland, as well as his design, after he had left the GDC and gone into partnership with Frank Sproson, of the remarkable St Columba’s Church in Glenrothes¹³. The latter was placed alongside his Woodside Shopping Centre on our second postcard and hence is also discussed here.

b) From Postcard Two (c. 1969): Woodside to the Town Centre

This second Glenrothes multiview was another Colourmaster International brand card, it being published around 1969 after its England-based manufacturer, Photo Precision, had bought J. B. White Ltd in 1963 and transferred production of its Scottish cards to Glenrothes in 1967 [Fig. 10].

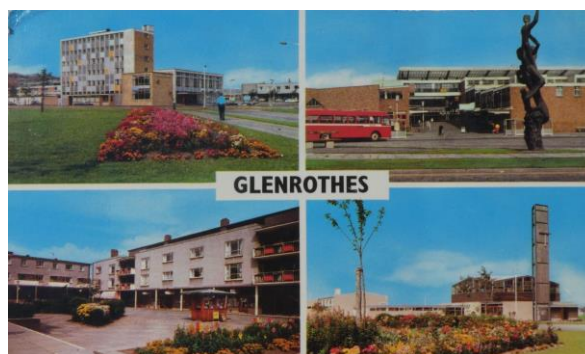

Fig. 10

The company, which had missed Glenrothes entirely from its map card, closed in 1970. Now the window onto Glenrothes that the card provides, while following the same two-over-two rectangular format, sunny days and distant views of architecture as the Woodside multiview, is significantly different to its predecessor. First, the sense of communal heart expressed in the four images of this later card is enhanced by their coverage of key urban marks from the southwest, south and northeast of the new town centre, as well as that of the first precinct in the east. This suggests not only the growth of the town but also alternative marketing-enticement strategy. In keeping with the brand name, the card is now in full (artificially tinted) colour. Furthermore, the emphasis here is on non-residential buildings, i.e., hotel, shopping centres and church. At top left our eyes are led by the converging diagonals of blooming flower bed and footpath to the Golden Acorn Hotel and public house, a six- and two-storey block. This had been built by the GDC at the heart of the town in the early 1960s. Opening in 1964, it signalled the commencement of a large shopping,

¹¹ Katherine Breen, “*New Life in an Old Town*”: Wheeler and Sproson, and the Post-War Reconstruction of Burntisland and Dysart, PhD thesis, University of Edinburgh, 2021, pp. 129—130. Available at: <https://era.ed.ac.uk/handle/1842/38430>.

¹² See digitised photographs from the Valentine archive at the University of St Andrews. URL: <https://collections.st-andrews.ac.uk/search/?form=grid&mode=query&query=glenrothes%20valentine&sort=adate>.

¹³ Wheeler also became president of the Royal Scottish Academy and the Royal Incorporation of Architects in Scotland. He was knighted for his remarkable service to Scottish architecture and culture.

recreational and administration development immediately behind it. Its design included lounge and public bars, two dining rooms, a ballroom and twenty-six bedrooms.

By 1965, together with nearby St Columba's Church, the Golden Acorn had become the Glenrothes place at which to stop on day outings to Fife by women's associations from neighbouring counties, such as Perthshire, as this report indicates:

The annual outing of the Crieff Wives' and Mothers' Fellowship took place in brilliant sunshine on Wednesday of last week when two buses conveyed members on a very comprehensive tour... two hours were spent by the sea-side [at Leven] ... An excellent tea was served in the Golden Acorn Hotel, Glenrothes. A visit was paid to St Columba's Church, Glenrothes, where the minister welcomed the company and gave a short account of the structure of the buildings and of the work carried on in the new church, which is kept open every day. The buses made a trip through the town before setting out for Kirkcaldy and on to the Forth Road Bridge. This masterpiece of engineering skill... was a source of great interest and wonder¹⁴.

Fig. 11

Fig. 12

Fig. 13

Fig. 14

The rectangular shapes, extensive use of glass, decorative brick and colour variety of the Golden Acorn, together with its public-serving function, joins it with the photograph beneath it on the card, this being of Wheeler's Woodside Shopping Centre and apartments. Here, below the converging roofline diagonals, our eyes are drawn to more vibrant flower beds, the public square with its kiosk, and the three-storey retail and residential blocks that form the north and west sides of the square. From this, and the Valentine postcard views, such as that of the "A Wee Scotch Frae Glenrothes" card of 1958 [Fig. 11], we can get a sense of why Wheeler was so proud of his achievement. For the flat-roofed rectangular blocks are a highly articulate statement of modern form following modern function for the sake of realizing a community hub. With the buildings projecting over the pavement due to the use of Le Corbusier-style slender pilotis shoppers and residents are protected from the elements as they go about their daily lives. Furthermore, the broad and light

¹⁴ "Outing", *Strathearn Herald*, 19 June 1965, p. 3.

stairwells lead to large, cantilevered balconies, the flats either side of which have a regular pairing of large- and medium-sized windows. There is a combination of grey render, white framing, exposed red brick (with some simple patterning on the rear) [Fig. 12], (formerly) red panelling on the iron balcony railings, and extensive plate glass for the shop windows, doors and flat entrances. The whole is deceptively simple and complements the lower, barrel-vaulted and arcaded modernism, with hints of vernacular, of the community hall on the southern side of the square [Figs 13–14]. This humane architecture did indeed become a central meeting place. It was designed to have shops that would complement one another in terms of their sale of the necessities and fancies of life, a bank between the four shops on the south side, and a bakery with café on the northeast corner. As times and retail outlets changed, a post office and library came and went, and in 1976 the kiosk was replaced by a painted concrete sculpture that looks like a sawn tree trunk with a variety of local leaves in painted green relief [Fig. 15].

Fig. 15

At the time of construction recognition was made of the social, practical and aesthetic value of Wheeler's grouping and its surrounding Woodside vicinity:

The centre will include 12 shops with 13 houses above, sited on two sides of a paved court intended exclusively for pedestrians. On the south side of the court the town's first community hall, with a seating capacity of 250, is being erected. This will meet a great social need... Landscaping is now in progress. This entails the planting of trees and shrubs, the sowing of grass plots and all, in fact, that goes towards beautifying a town... part of the Bighty Burn has been piped and a footpath or "pedestrian greenway" as it is called, with grass verges, trees and shrubs, is being laid out. This will ultimately extend to the Town Centre and it will be possible for pedestrians to travel there without encountering vehicular traffic — a boon particularly to mothers with prams and elderly folk. The open space standards have been based on the recommendations of the Department of Health... Nearby are six Coronation cottages in blocks of two and four, which are intended for retired or disabled miners [Fig. 16]. They are of two apartments, with a large sliding door between the living room and bedroom — a blessing to a bed-ridden person, for example, who would thus see all that was going on as well as enjoy the heat radiated from the living room. The blocks are connected by a sun porch, where the tenants will be able to sit during warm weather, and there is a communal garden¹⁵.

Fig. 16

Fig. 17

¹⁵ "Glenrothes grows in size and importance", *Fife Free Press*, 23 May 1953, p. 5. The Coronation cottages were so-named due to their opening coinciding with the coronation of Queen Elizabeth II. The article noted that the GDC commissioned Forbes to design and make an illuminated coronation address that was sent to the queen. A ceramic relief panel featuring the Glenrothes coat-of-arms surrounded by royal insignia and the town's Latin motto "Ex Terra Vis" (From the Earth comes Strength) was placed on an exterior wall of one of the cottages [Fig. 17]. The crest's combination of modern and historic coincides with the cottages' appearance, their traditional one-storey and pitched roof aspect belying a contemporary functionality that was completed by a fitting out with new furniture manufactured by Matthew Spears of nearby Kirkcaldy.

It was fitting that the community hall was to be used for all kinds of meetings, performances, fairs and exhibitions. Over five days in September 1956, the first fair took place both inside and outside the hall. It featured a display organized by the Scottish Country Industries Development Trust which included crafts such as pottery, woodcarving, weaving, wrought ironwork, basketry and stonemasonry, with masters of these demonstrating their skills on site, plus exhibitions by the newly established Glenrothes Art Club and the GDC. By 1958 the groups being encouraged to make use of the hall by the very active local community association ranged from “an amateur dramatic society and badminton, bridge, art and angling clubs to the Glenrothes Communist Party”¹⁶.

The commitment to trade skills and artistry, and their fusion of selective convention and innovation, that were witnessed in early Woodsidewere to be continued across Glenrothes. The Colourmaster postcard bears witness to this through its righthand images. Both are photographs taken on the newly formed Church Street, the upper showing the town centre shopping precinct (with bus station) and the lower St Columba’s Church. The composition of the card is such that the mostly horizontal lines of the architecture are dissected on the right by iconic vertical elements themselves placed in a vertical line with one another. These are heraldic forms, being the sculpture acknowledged by many as Glenrothes’ first work of public art and the church bell tower.

Glenrothes churches

Viewed from a verdant flower-, sapling- and grass-filled roundabout that marks the southwest corner of the town center, the representation of St Columba’s Church, while small and screened, is apt. For the church, despite only being completed in 1962, was historic and was to be recognized as such by numerous authorities, be they from the local public or professionals. As the largest and most central of the Church of Scotland churches in Glenrothes Wheeler & Sproson’s design was developed from 1958. The stature of St. Columba’s was enhanced by its being a groundbreaking, light and sleek, reinvention of the 1590s Parish Church at Burntisland, a coastal burgh thirty kilometers to the south of Glenrothes, this being ‘the first, and most outstanding centrally-planned, post-Reformation kirk in Scotland’¹⁷.

With the twenty-one-metre-tall triangular steel and wood bellcote dominating the single-storey St Columba’s and its attached parochial hall in the postcard, viewers are oriented towards a navigational view of the church, this also conforming with the Burntisland church acting as a prominent beacon. This means, however, that the beauty of the Wheeler-Sproson edifice is diminished and we cannot see that which resulted in getting it listed as a protected historical monument in 2004, the official record of which recognises it as ‘An influential and liturgically-experimental centrally designed church... Listed for its contribution to ecclesiological change, the quality of its stained glass and mural’¹⁸ [Figs 18—19].

¹⁶ “The day when a “new town” loses its tag”, *The Manchester Guardian*, 10 September 1958, p. 2. Bill Stabler, a miner, led the Glenrothes Branch of the Communist Party for many years. Ever alert to the socio-economic dangers facing Glenrothes, he was also sometime president of the Community Association and an active campaigner for social improvements.

¹⁷ Diane Watters, “St Columba’s, Glenrothes: A post-war design laboratory for reformed worship”, *Architectural Heritage*, vol. 12, no. 1, 2001, pp. 66—87, this quotation on p. 75. Watters’ article sets out an important understanding not just of the church, including its relationship to Scottish theological discourse, but also of the architectural and social planning of Glenrothes. It was published when the church was under threat of demolition and no doubt helped the cause of getting it officially designated an historic monument in 2004.

¹⁸ Historic Environment Scotland, “Listed Building: Glenrothes, Church Street, St Columba’s Parish Church including Hall and Bell Tower LB49999”, available at: <https://portal.historicenvironment.scot/designation/LB49999> (accessed 23 May 2023).

Fig. 18

Fig. 19

The sanctuary is a development of a Greek cross-in-square plan, its southern side extended to include centrally-converging diagonals that point to, or splay out from (depending on viewpoint), the main entrance. This adds an ecclesiastical sense of ship to the design, though the “nave” is still deliberately “boxy”.¹⁹ With clerestory windows that fill the upper spaces of the walls under the aluminum roof, the sanctuary is blessed with subtle polychromatic light from their selection of single-color and transparent, Belgium-made, stained glass panels, these being arranged in a play of horizontals and verticals (of the metal came) akin to, and derived from, the spiritual color-form abstractions of Piet Mondrian’s so-called Neoplasticism [Fig. 20].

Fig. 20

The effectiveness of the church is completed by Wheeler & Sproson’s attention to its mainly timber furniture and fittings, as well as the *Way of the Cross* mural by Alberto Morrocco that extends across the north wall (c. 16 x 2.5 meters).

In the autumn of 1966, an exhibition of “sketch-designs and drawings for 24 important murals all over Britain... [were displayed] in a show organised by the Council for the Care of Churches with the financial aid of the Arts Council”²⁰. The exhibition included works “from Brighton to Glenrothes, in Scotland, where it is interesting to note the Presbyterian church of St Columba is apparently the first Scottish church to employ mural imagery since the Reformation”²¹. While the claim to such ‘first’ place was erroneous the London display of Morrocco’s mural speaks to its holding a significant place. Thus, like the entire church which it decorates, it indicates a value that visitors to Glenrothes could or should be encouraged to appreciate, if only as a place for momentary reflection.

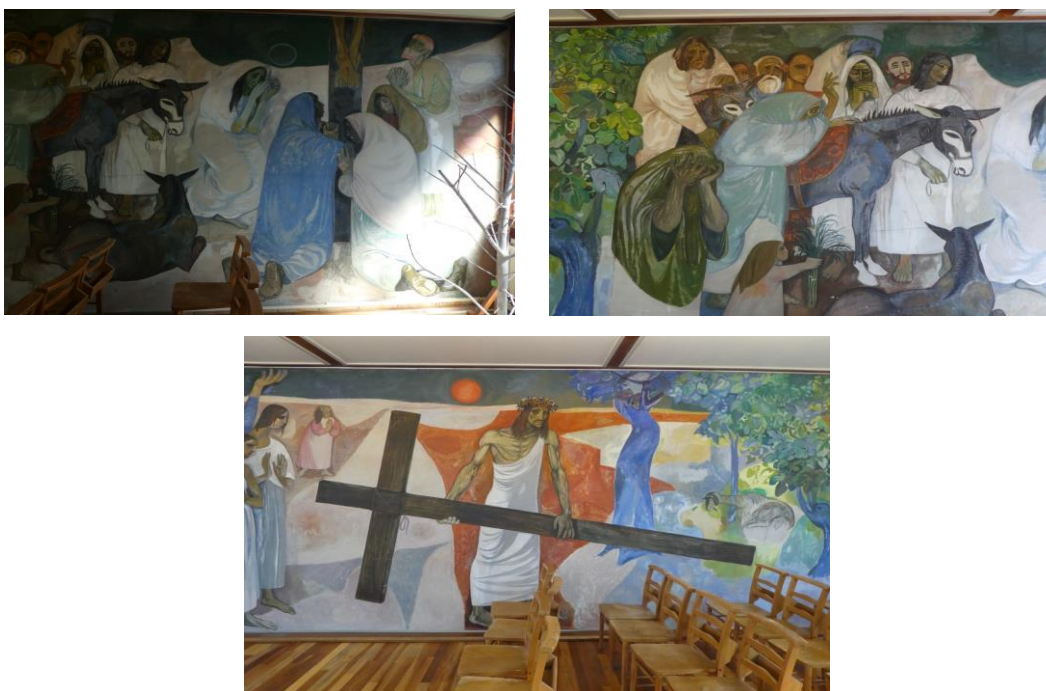
¹⁹ John Gifford, *Fife. The Buildings of Scotland*, London, 2000, p. 232.

²⁰ Richard Seddon, ‘Mural paintings ... at All Hallows on the Wall, London’, *Birmingham Daily Post*, 21 September 1966, p. 4.

²¹ ‘Contemporary murals in Britain’, *The Times*, 30 September 1966, p. 14.

The mural is painted with a rich palette, its simplified, life-sized figures and nature acquiring expressive force through scale, composition and gesture. Thus, from left to right, we are taken from Pontius Pilate condemning Christ before the people; to a group of Roman soldiers and beseeching supporters who oversee the centrally positioned haggard Christ bearing his cross on the jagged shapes of the blood-coloured road to Calvary; on to Golgotha with its fig trees and lamenting followers; and finally to the scene of martyrdom, this being filled by the crowd gathered praying at the base of the cross, the only glimpse of the crucified Christ being his legs and feet with stigmata that project out of the top of the mural [Figs 21—23]. What is true about St Columba's *Way of the Cross* is that there was no precedent for such vigorous and moving mural painting in a modern Church of Scotland church and that this work by Morrocco, one of Scotland's most outstanding and recognised postwar artists, takes its place alongside Phoebe Traquair's 1890s ecclesiastical murals in Edinburgh in its pioneering reinvention of tradition²².

Figs 21—23

In fact, the churches of Glenrothes offer remarkable food for thought and, if carefully managed, that thought could be of the tourist kind. Besides St. Columba's, two are currently listed as of special architectural/historic interest, the first being the functionalist presbyterian St Margaret's Church in Woodside (1953), an image of which appeared in Valentine's 1958 card [Fig. 11] and the second being the much more adventurous experiment that is St Paul's Roman Catholic Church (1956—58). A third, in my opinion, also merits attention, it being the remarkable St Ninian's Church built in the western Glenrothes precinct of Tanshall (1968—70) [Fig. 24]. It was the first major project of Allan Rodger of St. Andrews, who went on to become a very influential figure in Australian environmentally-conscious architecture, not least as chair of architecture at the University of Melbourne (1974—96)²³. In Glenrothes, and as Wheeler & Sproson had done for St Columba's,

²² Concerning Traquair's work, see, for example: Elizabeth Cumming, *Phoebe Anna Traquair*, Edinburgh: National Galleries of Scotland, 2022.

²³ For an introduction to Rodger's life and work, see Kim Dovey, 'Vale Allan Rodger, 1935-2022', *ArchitectureAU*, available at: <https://architectureau.com/articles/vale-allan-rodger-19352022/> (accessed 24 May 2023).

Rodger worked closely with James Whyte, Reverend Professor of Practical Theology at the University of St Andrews. Whyte provided the theological brief for the building, which Rodger realised as two hexagonal rooms, the larger being for worship, joined by a central Hall of Fellowship with vestry. The church is asymmetrical, with truncated tower, aluminium roof and a mural of the Parable of the Drag Net (Matthew 13, 47—48) in the hall. An illustrated leaflet and envelope [Fig. 25] published at the time of St Ninian's dedication, do much to outline the building's flexible yet principled modern(ist) expression of the Christian idea of the oneness of all life and at the same time convey an understanding of how much the church has to offer visitors, be they casual passers-by or tourists²⁴.

Figs 24—25

A superb large photograph of St Paul's Church was reproduced in *The Times* (London) in 1966. It led a visual survey of 'the renewed interest and vitality in church architecture in Scotland', with just three other churches illustrated beside it [Fig. 26]²⁵.

Fig. 26

The photograph was taken on a sunny afternoon from a low viewpoint to the southeast, i.e., the rear, and due to this it captured the unbroken planes, oblique angles, parallel lines and light and shade in such a way as to turn the church into a work of sublime two-dimensional abstract art. It shows, perhaps better than any other, how the architects understood and interpreted the formal experiments of the Russian/Soviet avant-garde. Fittingly, a similar shot, but in colour, was placed within the climax to a propaganda film entitled *New Day* (1959) which

²⁴ Anonymous, 'St Ninian's — Theology in Architecture', 28 May 1970.

²⁵ "Modern Church Architecture in Scotland", *The Times*, 18 October 1966, p. 20.

romantically portrays the new opportunities for work and life that Glenrothes offers. There it appears against a beautiful sunset just after footage of the Queen and Duke of Edinburgh making an official visit to Woodside Shopping Centre/Community Hall square, cheered on by seemingly adoring crowds²⁶. Still, such recognition went largely ignored, not just by Gardiner, but by a whole host of people-attracting agencies. Even so, by 1987, St Paul's became the first Glenrothes building to be officially listed (and hence protected) as an historic monument. Historic Environment Scotland's 'Statement of Special Interest' for the church notes that it is:

A seminal example of modern church architecture, and one of Scotland's most significant post-war churches, the first to break with the traditional rectangular layout. St Paul's was also the first church designed by the dynamic partnership of Isi Metzstein and Andy MacMillan for the internationally renowned practice of Gillespie, Kidd & Coia. The interior contains a notable altar cross and Madonna by Scotland's leading sculptor of the period, Benno Schotz²⁷.

In 2008, towards the end of his life, architect Metzstein recalled its communal-architectural language:

[It] was the first church of the new generation and was a significant change in direction. The concept, or basic principle, is about light. We decided to place more emphasis on the grouping of the people, near and around the altar. There is also much more emphasis on simple construction methods and manipulated light, not from side windows but mostly from top lighting of some sort. Generally, the whole concept is very much simplified²⁸.

Shaped like a lectern the church splays out in its plan, this, combined with the light that descends from top of the tower-like chancel onto the tabernacle and through the (partially color) glazed west wall, is intended to convey the idea of Christ's light spreading into the world, as recorded in the Gospels [Figs 27—29]. The effect is greatly enhanced by the tall sculptures of the crucifixion (1957) [Fig. 30] and Madonna and Child (1960) [Fig. 31] that grace the sanctuary with their slender figures, wire-like bases and surrounds, and delicate gilded symbolic objects. The combination of these relatively slight sculptural installations and the simple, large masses of the architecture is both subtle and eloquent.

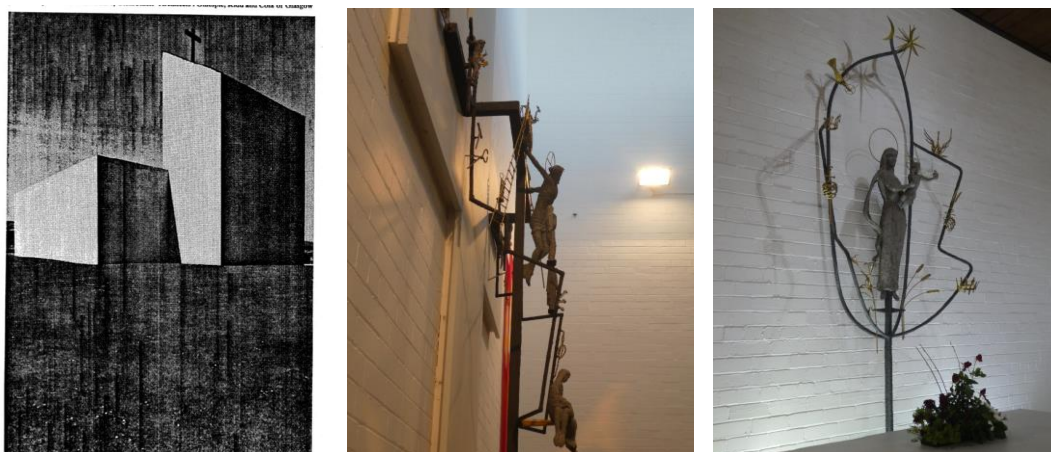
Figs 27—28

²⁶ Films of Scotland Committee and Glenrothes Development Corporation, *New Day*, 1959, available at National Library of Scotland Moving Image Archive: <https://movingimage.nls.uk/film/0307> (accessed 26 May 2023).

²⁷ Historic Environment Scotland, 'Listed Building. Glenrothes, Warout Road, St Paul's Roman Catholic Church with Presbytery and Boundary Walls LB10012', available at <https://portal.historicenvironment.scot/designation/LB10012> (accessed 24 May 2023).

²⁸ Ibid. Indicative of their significance, both St Paul's and St Columba's are given prominence among the few churches that feature in *Scotland: Building for the Future. Essays on the architecture of the post-war era*, Edinburgh: Historic Scotland, 2016, pp. 64—65, 96—97 and 103. Available for download here: <https://www.historicenvironment.scot/archives-and-research/publications/publication/?publicationId=70f19676-2912-4735-8abc-a58400ef667d> (accessed 24 May 2023).

Figs 29—31

Figs 32—33

Takes on town art, town art takes off

Benno Schotz's striking plastic contribution to St Paul's preceded his landmark sculpture that ascends up, and seemingly out, of the photograph at top right in the Colour-master card. There it is viewed from Church Street as it welcomes people to Glenrothes' new bus station and main shopping centre (which opened in December 1964). It is a seven-metre-high sculpture in welded manganese bronze. [Fig. 32—33] Titled *Ex Terra* (*From the Earth*) after the GDC's motto, it refers to the life that was supposed be extracted (and derived) from the nearby ground by the coal mine that was Glenrothes' original industry as well as the interconnectedness of all forces of life. The sculpture was unveiled in April 1965, three years after the mine had closed due to geological issues after less than five years' production. As a powerful humanoid column with interlaced figural branches *Ex Terra* represents a mother raising her children from the ground to her shoulders. The uppermost youth gives a salute with its raised arm. The whole consists of simplified, rough, grey figures emerging from a pedestal that suggests rough substrata. Thus the cycles of growth (appropriate for a new town having to reinvent itself) are symbolised. The work is Schotz's largest and most celebrated, it capping an extremely high-profile career as head of sculpture at Glasgow School of Art and Queen's Sculptor in Ordinary for Scotland. At the same time, and despite Schotz being born on the Estonian island of Saaremaa during Tsarist times and becoming a Zionist, the figurative sculpture could, if taken out of context, be mistaken for a piece of Soviet monumental art. All this adds to *Ex Terra*'s draw: for many it is THE emblem of Glenrothes, its place established by its appearance

on the Colourmaster postcard, this being quickly followed by its printing on the embossed cover and Foreword page [Fig. 32] of the beautifully designed and illustrated *Glenrothes New Town Master Plan* (1971), where another fine image of St Paul's was the book's culminating photographic reproduction [Fig. 29]. Though a rival exists (see below), the trend for *Ex Terra* as emblem continues to this day, with it being chosen, for example, as the insignia photo of the Glenrothes & Area Heritage Centre's Facebook, as well as featuring prominently in numerous internet postings, often accompanied by favourable comments²⁹.

When Historic Environment Scotland (then called Historic Scotland) carried out and published a survey guide of the town art in 2010, their booklet claimed that *Ex Terra* was the "first major work of public art in Glenrothes", thereby starting a trend, unique in Scotland and the whole of Great Britain, that saw "more than 140 art works" created and which 'define the identity of the town'³⁰. The strength and variety of the town's art is indeed unparalleled and it certainly serves to attract visitors to Glenrothes, even if these are not (thankfully) 'mainstream' tourist groups. Although Fife Council (which took over the running of the town after the GDC was wound up in 1996) does not have a very good record for valuing or looking after, the town art, it does exploit limited examples of it for various marketing campaigns. Furthermore, it runs an interactive town art map that is open-access on the internet³¹. This gives a flavour of what Glenrothes possesses for visitors and locals alike. It follows the Historic Scotland guide in placing *Ex Terra* as the start of the town art, though it could be argued that this was begun earlier, with the abstract decoration and landscaping of buildings in Woodside, the church art of St Paul's and St Columba's, and a *Tree of Knowledge* openwork iron relief, replete with stylised birds, branches and leaves, that adorned the entrance facade of Glenrothes' first junior secondary school, Auchmuty High [Figs 34—35].

Fig. 34

Fig.35

Sited between Woodside and Auchmuty, the school was designed by Sproson (1954—57) in a modern style very much in keeping with his partner Wheeler's Woodside architecture (even down to the use of pilotis and colour). The aesthetic qualities of the school were summed up at the time:

Colour has been used extensively throughout, strong primaries in staircases and cloak-rooms, with rather paler shades in classrooms to avoid discomfort. The rear walls of the classrooms, however, have in many cases been treated with bolder colours offset by the white framework of built-in fittings.

²⁹ Glenrothes Development Corporation, *Glenrothes New Town. Master Plan*, Glenrothes, 1970; Glenrothes & Area Heritage Centre Facebook page, available at: <https://www.facebook.com/glenrothesheritage/> (accessed 26 May 2023).

³⁰ Laurence Parkerson, *Glenrothes Town Art*, 2016. Available for download at: <https://www.historicenvironment.scot/archives-and-research/publications/publication/?publicationid=89e17a7d-610f-4632-b166-a58400e2347e> (accessed 26 May 2023). Though counting is problematic the number of artworks (including lost and newly created ones) is probably close to 200.

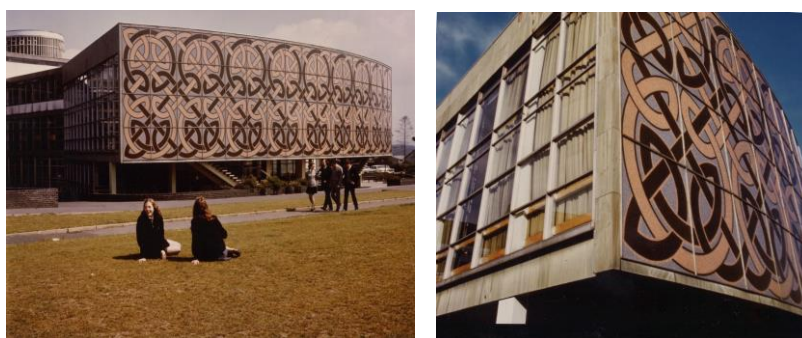
³¹ See: 'Glenrothes Town Art', <https://storymaps.arcgis.com/stories/dac4cb5070a046baaa7402fbd528f554> (accessed 28 May 2023).

As in the assembly hall, the main entrance hall ceiling is of untreated perforated acoustic tiles. Here, above the entrances to the assembly hall, is a large map feature consisting of a map of the world in mahogany blockboarding which ‘floats’ clear of the background which is papered in deep blue with a ‘milky way’ of white stars. This feature is flanked by a series of frames where, it is hoped, a chequer-board pattern of paintings done by senior art pupils in the town can be mounted.

The external decorative wrought iron feature on the main elevation was designed by Mr Stewart Lees, an art teacher with the County, and was executed by a blacksmith from Craik³².

Ex Terra followed in the wake of the Woodside and Auchmuty artwork and together with them provided the momentum for further investment in town art. Initially, this comprised deliberately striking work in different media for three major public buildings: i.e., the new Glenrothes High School, Glenrothes House and the central shopping mall. The first was a glazed mural, second a concrete relief and third a water sculpture. All three works were large scale markers of Glenrothes identity and growth. All three appear to have been lost.

The mural covered the convex, south-facing, exterior wall of the fan-shaped assembly hall of the town’s first senior secondary school, this erected in the precinct of South Parks, west of the town centre [Figs 36—37]. As a project of the Fife County Council Education programme, the school opened in April 1966 and since plans had been approved as early as February 1962 it is easily conceivable that the mural, rather than succeeding *Ex Terra* was created simultaneously. This is corroborated by the mural’s artist Robert Lawrie, designer of the school, having retired from his post as County Architect for Fife by 1965. Cantilevered over two wide concrete staircases and a set of quadrangular pilotis, the mural, as curtain walling, measured 7.5 x 33 metres. It consisted of a huge repetitive pattern of looped Celtic knots. In dark brown and beige, and set against a light blue-green ground, this decorative cladding was made of seventy-two ‘Armourclad’ cast glass panels commissioned from leading British glass manufacturer Pilkington. These spandrel panels were made of toughened glass given a ceramic coating. With no start or finish to the interlaced Celtic motifs, they harkened both to Scottish history and to eternally regenerating life. They had no equivalent in modern Scotland. Sadly, their own life proved temporary: they started to be blown off the wall in bad weather and by the 1980s those that remained were either also removed or covered over by the new render that exists to this day. It remains to be seen whether any have survived.³³

Figs 36—37

The GDC moved its headquarters from Woodside to Glenrothes town centre in the late 1960s. Its new home was Glenrothes House, a high-rise tower block designed by Kenneth Murdoch. The main internal wall of the two-storey entrance hall was turned into one of Scotland’s largest sculpted reliefs by George Garson, who by 1971 was head

³² A. S. A. Watson, “Auchmuty School, Glenrothes”, *Prospect*, no. 8, Winter 1957, pp. 22—26. When Sproson’s school was demolished in 2013, the *Tree of Knowledge* was installed in the replacement school.

³³ I am grateful to Emma Reid, of Glenrothes High School, for information about and images of the mural. Its significance was suggested by its reproduction and description in *Stained Glass*, the journal of the Stained Glass Association of America, vol. 65, 1970, p. 46.

of mural design and stained glass at Glasgow School of Art [Fig. 38]. Six metres in height the mural appears like an abstract, irregular and textured composition of geometric forms. It was completed in 1967. Soon afterwards, three photographs revealing different aspects (light, modelling, surroundings) of this early and powerful Garson work were published in *Concrete Quarterly*. While the accompanying text concentrated on the fine craft of its making, it also suggested what it symbolised:

The theme for this concrete mural in Glenrothes House — in the growing new town of Glenrothes — is, appropriately, the growth of a new town emerging from agricultural land... It is not unlike an aerial view of a town, the buildings being represented by square and rectangular forms, and the roads by long ribbon-like shapes. The mural does not, however, represent any specific part of Glenrothes³⁴.

Figs 38—39

With the first phase of the central shopping mall complete by the mid-1960s, and with the aid of an Arts Council grant, a water sculpture was erected at its western entrance. [Fig. 39] Almost ten-metres high, this was a fountain with a slender stainless-steel column from which water cascaded over a series of coloured fibreglass triangular forms, each joined with another along a central axis to convey a sense of elementary, flickering flight. The abstract language produced associations with trees, branches, wings, these again deemed fitting for the developing new town that was Glenrothes. Created by Fife artists Jenny and Stephen Scott, the fountain was erected in 1967. Within two decades it, like the school mural, had fallen victim to high winds — in this case due to their causing widespread spray³⁵.

Figs 40—41

Such was the GDC's awareness of the benefits of art that in May 1968 it placed an advertisement in the national press for a qualified artist to join the technical team creating the new town. The job description indicated: 'The work will involve the design and, where appropriate, the execution of artistic treatment of numerous features of the built

³⁴ 'New Town Mural', *Concrete Quarterly*, April-June 1969, no. 81, pp. 16—17.

³⁵ See Wood, op. cit., pp. 86—87.

environment, including external walls, floors, play sculpture and public signs³⁶. The result was not just one full-time town artist but, sequentially over the next twenty-three years, two: David Harding (1968—1978) and Malcolm Robertson (1978—1990). The GDC so valued their work that they also hired several younger artists to assist and make their own works. In addition, the rare creative thinking of the corporation also encouraged one of its own architects, Janis Miežitis, to produce an impressive concrete mural on a wing wall of a pedestrian underpass [Figs 40—41].

Figs 42—45

Designed and created 1970—71, Miežitis' mural for the Glamis (Pitteuchar) Underpass follows in the abstract-suggestive footsteps of Garson's at Glenrothes House and anticipates a whole set of extremely imaginative and thought-provoking concrete underpass decoration by Harding and Robertson.³⁷ Sensitive to local and global history, culture and nature, while at the same time being intrinsically modern and durable, the concrete murals are a true testament to the ideals of new town life. That there were at least six across different precincts is due in large part to the segregated pedestrian-vehicular planning of Glenrothes. Highly distinctive, they (and the other artworks) offer aesthetic completion to the vision. Some have acquired names, others are known by the roads they pass under: e.g. Industry, Inca Wall, Queensway, Tanshall. The first of these, Harding's *Industry* (1970—71) [Figs 42—44], is on the north and south wing walls of the Western Avenue underpass, this linking the northernmost precincts (e.g. Collydean) with the beautiful landscaped Riverside Park (where more artworks are sited), the town centre and other precincts. Created simultaneously with Miežitis' mural, it is an assemblage of motifs, in abstract relief form, that refer to local industrial activities and heritage, i.e. mining, paper-making, electronics. In 2011 *Industry*, joined *Ex Terra*,

³⁶ GDC advertisement, *Birmingham Daily Post*, 6 May 1968.

³⁷ Concerning Miežitis' underpass, his architecture and collaboration with Harding, see Jeremy Howard, 'A Latvian architect in Scotland: Janis Visvaldis Miežitis', *Latvijas arhitektūra*, 2019, no. 144, pp. 84—87; 2020, no. 145, pp. 80—83; 2020, no. 146, pp. 94—97 (in Latvian with English summaries).

Birds (Robertson, 1980-84, North Street, by the Council Offices) [Fig. 45] and *Henge*, as one of the four Glenrothes sculptures designated as listed, and hence protected, monuments³⁸.

The visual vocabulary, scale and green setting of *Industry* make it powerful and in such impressiveness it is joined by *Henge* and *Heritage* (unlisted), both also by Harding. Humour, history and human respect are abiding aspects of Harding's town art. *Heritage* consists of a low, blank L-shaped concrete wall (echoing the 'faceless' office-block architecture of the town center nearby) overshadowed and surrounded on two sides by fourteen tall and medium height concrete columns [Fig. 46]. The multiple sections of the columns playfully allude to great ancient Greek, Egyptian, Aztec, Inca, medieval and Renaissance architectural orders, thereby, and in their individuality, mocking the blandness of much modern design. It had to remain unlisted as a monument in order to allow relocation to the top of Riverside Park when one of the bland office blocks it mocked was being demolished in the early 2000s.

Fig. 46

Henge (1970—72) is probably Glenrothes' most outstanding artwork, and for it alone it is worth making a pilgrimage to the town [Figs 47—52].

Figs 47—50

³⁸ See Historic Environment Scotland 'Listed Building' pages, i.e.: 'Western Avenue Underpass, Untitled (Industry, Past and Present) LB51793', <https://portal.historicenvironment.scot/designation/LB51793>, 'Church Street, Ex Terra, LB51794', <https://portal.historicenvironment.scot/designation/LB51794>, 'North Street, The Birds, LB51795' at <https://portal.historicenvironment.scot/designation/LB51795> and 'Beaufort Drive, Henge, LB51792', <https://portal.historicenvironment.scot/designation/LB51792> (accessed 30 May 2023). In its abstract depiction of flight, *Birds* acts as a replacement for the lost (from nearby) Water Sculpture.

Figs 51—52

In many respects it is paired with the nearby concrete *Rocket/Totem* (c. 1971), this, while being a children’s climbing column, offering a witty subversion of space-age technology and mindsets as the rocket descends to crush humanity rather than the reverse. Sited in an award-winning Pitteuchar precinct playground, *Rocket/Totem* is, as *Henge*, a collaboration between Harding and Mieziotis, the latter’s landscaping and surrounding modernist residential architecture making for particularly effective environments for both [Figs 52—53].

Fig. 53

Henge is a deceptive spiral of thirteen concrete “monoliths”. It has the feel of a neolithic stone circle, its creation coinciding with the archaeological excavation of one of these at Balbirnie two kilometres north of Woodside³⁹. The mystery of such ancient sites of pagan ritual and burial undoubtedly filtered into the modern *Henge* in Pitteuchar. There Harding worked on the carefully varied heights, apertures, textures and interior motifs of the slabs, their rising ‘movement’ spiralling out from a low circular “altar” made of stone setts, gaining a sense of spirituality and moment through their boldly sculpted visual and literary references to Pictish, Celtic, Christian and Jewish cultures, as well as contemporary heroes of Harding. The latter were individuals he understood as speaking for people, life, peace and love, e.g. Martin Luther King, Mahatma Gandhi, Mother Teresa, Che Guevara, Pele, Alexander Solzhenitsyn, Bob Dylan, Dag Hammarskjold.

³⁹ Concerning Balbirnie Stone Circle and its neighbouring Balfarg Henge, see Gordon Barclay, *Balfarg. The Prehistoric Ceremonial Complex*, Glenrothes: Fife Regional Council, 1993. The excavations began due to the proximity of the circle to the A92 main road, the increase in traffic leading, in the 1980s, to this being widened and the stone circle moved 125 metres southeast. Thereafter, an unusual Glenrothes housing scheme was erected around the large green circle of Balfarg Henge and a visitor attraction of an archeological trail linking the sites was made by the GDC.

It could be argued that above all else it is the town art that can, or does, make Glenrothes a tourist venue. It is all the more remarkable given that there was no budget for materials from the GDC — art had to be made from materials ordered for building, and frequently through joint artist-engineer-architect-builder-tradesman enterprise. It is to be found unexpectedly in residential and retail areas, be that in brick wall patterns, oversized concrete mushroomrooms [Fig. 54], miniature ‘UFOs’, sets of ceramic tiles made by schoolchildren under Harding’s supervision, poetry slabs to be walked, sat and stood on, or numerous inventive low-level forms for children’s games and play. Likewise, it can be more obvious to those who pass through, whether as seven-metre-tall metal and glass-fibre irises, a giant pair of human hands, or almost life-size concrete hippopotami at roundabouts and elsewhere⁴⁰ [Fig. 55].

Figs 54—55

Tourist takes on glenrothes

The ‘hippos’, designed by Harding’s assistant Stan Bonner in the early 1970s, have, in recent years, overtaken *Ex Terra* as the emblem of Glenrothes. In an attempt to give the town a child- and family-friendly attractiveness, Fife Council have re-sited quite a number of them at prominent road junctions and painted them in bands of colour. In this they have been joined by various mushroom sculptures, their caps now covered with red with white spots. In the process, there is, of course, the danger of turning the town and its art into a tawdry theme park designed for superficial gawping. The branding campaign has also meant new hippos in different media and sizes are commissioned in attempt to market the town to the outside world. Hippos appear in iron, cardboard, painted murals, advertisements, etc. As their presence rises so their value as art diminishes. While the ones still found by surprise in the pedestrian walkways of the residential precincts are a delight, the others have become trite. They no longer ‘walk’ from the polluted River Leven to bathe in the children’s paddling pool of Riverside Park, as Harding had humorously positioned them, because the paddling pool has been deemed a hazard by Health & Safety regulators and no longer exists. Tellingly, neither the interactive town art map nor the town art guide convey more than a fraction of the art which has been lost, re-sited or altered. Furthermore, despite giving a sense of the unique wealth of Glenrothes’ art, both omit less obvious works. In a way this is to the residents’ advantage — they are not plagued by crowds of tourists interrupting their daily lives. Since the artists deliberately made and, often discretely, sited the works for them, their interests should remain the highest priority. Still, perhaps, had the town art been as appreciated by the post-1996 authorities as it was

⁴⁰ Concerning the town art, see, for example, Jeremy Howard, Andrew Demetrius, ‘*Watch where you are...*’ *The Enduring Town Art of Glenrothes*, Cupar, 2018 and David Harding, *Glenrothes Town Artist: David Harding*, Glenrothes: GDC, 1975. The town art has also brought Glenrothes considerable attention in the British national press, as well as, increasingly, from local, national and international audiences receptive to ostensibly under-rated achievements in, and threats to, modern art.

by the locals who enjoyed and identified with it (and continue to), much that was lost could have been saved and much that was spoiled could have been properly conserved. Such appreciation could, in turn, truly enhance the town's reputation more widely and thereby attract holidaying visitors with a taste for art as well as fun.

The rise of the town art coincided with the decline of the postcard for Glenrothes. To my (admittedly limited) knowledge only *Ex Terra* appeared on a card, and that as something of a screen to the shopping centre in the Colourmaster multiview discussed above. Between the 1950s and early 1970s the number of Glenrothes postcards probably reached twenty or so. Some were interior colour views of the main shopping mall, others were aerial views over the town. There were occasional single views of key buildings such as the square in Woodside, St Columba's Church, Glenwood Junior Secondary School. And, besides the twomultiview cards we have studied, at least six others, by Valentine, were created (1958—1963). The black-and-white images of these were of shopping centres, schools, housing and churches, all looking brand new and ideal. The postcard decline coincided with: 1) the new town getting 'old', i.e. passing thirty years; 2) local government reorganisation; and 3) the Development of Tourism Act (1969), after which the Scottish Tourist Board was established as a professional body (since c. 2000 rebranded as Visit Scotland).

Local government reorganization from the mid-1970s greatly affected Glenrothes. The GDC was relieved of some of its responsibilities and gained a rival in planning, health, amenity and housing issues, by the creation of Kirkcaldy District Council in 1975. Tourism advocacy took a while to develop, with both the GDC and council sometimes keeping it at arm's length, sometimes being more obviously involved. Its early progress has been described as follows:

What at first seemed an unlikely course for the town started in 1985, with the attempt to create an image of Glenrothes as a base for holidaymakers. A Tourist Association was launched in 1986, taking its first steps towards becoming an independent organisation. Later, it became Fife and then Glenrothes Tourist Promotions Ltd, gradually increasing the range of promotional events, and working through the Information Kiosk in the Town Centre. Consultants were appointed in 1992; a scheme of improvement grants was devised for householders willing to provide bed and breakfast; a new Tourist Information Centre was opened. It was perhaps a sign that Glenrothes was now firmly on the tourist map, when the *Brewers' Fayre*, with motel, public house and restaurant opened in 1995⁴¹.

An early manifestation of the push to market the town as a destination for 'touring' visitors was the GDC's staging, in September 1988, to coincide with Glenrothes' fortieth anniversary, of the Glenrothes International Lightning Chess Tournament. This was held in units at Woodgate industrial area, just off Woodside Way and to the east, across the new A92, of the *Henge*. Former Soviet world champions, Boris Spassky and Mikhail Tal, entered, with Tal coming first, Spassky second⁴². Four years later, presumably as a result of the 1992 consultations mentioned above, the GDC 'tourism promotion department' organised 'The Great Glenrothes Highland Haggis Hunt'. It was advertised in the English press in the summer of that year. The advert offered the winner of an easy wordsearch competition a weekend for two at the 'hunt', plus any interested

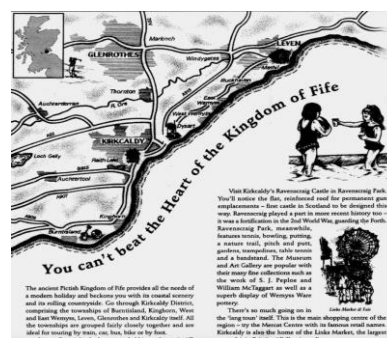

Fig. 56

⁴¹ Keith Ferguson, *A New Town's Heritage. Glenrothes 1948-1995*, Glenrothes: GDC, 1996, p. 59.

⁴² See, for example, 'It's Spassky for the New Town', *Glenrothes Gazette: 40th Birthday, A Special Supplement*, June 1988, p. 31; 'Chance to face the Masters', *Dundee Courier*, 21 September 1988, p. 4; 'Scots to Play for England', *Kilmarnock Standard*, 7 October 1988, p. 71.

readers ‘a free color brochure on Glenrothes and the ancient ‘Kingdom’ of Fife’, available by post from the Glenrothes Tourist Information Centre⁴³ [Fig. 56].

Two years later, as the GDC was beginning to be wound up, the district council and Scottish Tourist Board placed a double-page advertisement in the left-leaning Glasgow-based ‘popular’ newspaper the *Daily Record*. In contrast to the Colormaster postcard map with which we introduced this paper, it featured a map in which Glenrothes was most prominent and the east Fife historical ‘tourist’ destinations absent [Figs 57—58].

Figs 57—58

With the punning title ‘You can’t beat the Heart of the Kingdom of Fife’ the advert was also illustrated by seven drawings showing different kinds of tourist attractions, six being identified with particular places, i.e. beach fun, the Burntisland highland games, a street fair in Kirkcaldy, historic houses in Dysart, the ‘golden sands’ of Pettycur Bay, Letham Glen and, finally, Harding’s *Heritage*, this being captioned ‘Glenrothes Town Sculpture’. The accompanying paragraph mixed appreciation of Glenrothes town art with a variety of other amenities that sensibly made the new town stand out from the other tourist venues:

Glenrothes is the scene of many recent developments. Its Kingdom Centre is an indoor shopping mall with over 100 outlets. Glenrothes has many locations for unusual environmental art. You’ll find Rothes’ Hall, an attractive venue for theatre, entertainment and communal activity. Glenrothes is the home of Fife Institute of Physical and Recreational Education so it’s not surprising that you’ll find almost every kind of serious sporting activity — a bowling alley, two bowling greens, swimming pool with watersports such as canoeing, a riding centre, a golf course and a golf range. Riverside Park has also many family facilities. 14th century Balgonie Castle is nearby with a leather carver’s and tapestry weaving studio open to the public. Also not far away is the Balbirnie Park with its outstanding collection of rhododendrons⁴⁴.

By 2023 Glenrothes Tourist Promotions’ and Kirkcaldy District Council’s initiatives have morphed into Fife Council’s overseeing of six regional tourist associations covering Fife. Run “independently” as Fife Tourism Partnership, their promotional website is known as “Welcome to Fife”. Glenrothes falls within the “Heartlands of Fife” region, and on its webpage it offers an updated version of the 1994 advertisement paragraph, this also fronted by an image of *Heritage* (now a colour photograph of the columns set against the leafy trees of Riverside Park)⁴⁵ [Fig. 59].

Fig. 59

⁴³ See, for example, the advertisement in *Solihull News*, 29 May 1992.

⁴⁴ Advertisement, *Daily Record*, 27 December 1994, pp. 44—45.

⁴⁵ See Welcome to Fife at <https://www.welcometofife.com/destination/glenrothes> (accessed 2 June 2023).

With Welcome to Fife's current Glenrothes page we have clearly come a long way from the 1955 sepia postcard of four views of workers' housing and a black cat as a way of offering the town to the wider world and tempting that world to visit. The journey has been both rocky and revealing, in particular with regard the vagaries of conceptions of what a visitor might value and enjoy. In 2008 the Canadian artist Sylvia Grace Borda spent a week in the sixty-year-old new town. A major result of her stay was her series of photographs entitled 'Holiday in Glenrothes' and with mention of these we may conclude our study of the town's liminal place on the tourist map. Two hundred images from the series have been digitised and are available on the University of St Andrews website⁴⁶. I encourage readers to view them there. People do not appear in Borda's images, but angles on housing, office blocks, parks and art do. Borda captures much that is unique to Glenrothes, including sites such as the old Auchmuty School that have since been demolished. Her eye is sharp, her record remarkable. However, it could be regarded as problematic and patronising to exoticise, as the webpage's descriptive paragraphs suggest, the 'banal' and 'commonplace' of Glenrothes in this outsider way, all the more so since the introduction deems the town 'an area considered by many Scots as uninteresting and unworthy of documentation'⁴⁷. After all, the photographic set has been made for the advancement of a remote artistic career and portfolio. And the title indicating vacation in Glenrothes (when she was actually working in her chosen profession), combined with the people-free images, implies that the town and tourism do not, in most minds, mix. Furthermore, she does not refer to 'holidaying' in other venues visible on her pages, e.g. Finland, where the results are of 'projects'. Does Borda, without going as far as Gardiner, thus demean Glenrothes? Maybe. Nevertheless, there is an attempt at veracity in her Glenrothes photographs, and what is more, they also have a sublime aesthetic quality that conveys a beauty of the town that could easily be missed. So the set chimes, to a certain extent at least, with the vision not just of the early picture postcards but of the creators and residents of Glenrothes.

Coda

Borda's 'Holiday in Glenrothes' actually draws out some of the grey areas with which tourism abounds. Hers, ultimately, is a working holiday, with Glenrothes providing a place of retreat from the humdrum of elsewhere and simultaneously becoming somewhere to learn and create. The town does so without the encumbrance of piles of history, queues of tourist buses, annoying guides and gaping crowds. Thus Glenrothes gives. It gives to the receptive, and those receivers, be they residents, postcard manufacturers, heritage bodies, local authorities, tourist associations or inquisitive outsiders, can pass on its gifts. Thoughts of comparison with Volzhskiy, and my "holiday" there in June-July 2018 are never far away. Three weeks of a restorative programme, with its disciplined and relaxing treatments, at Volzhskaya Zdravnitsa sanatorium across the huge Volga Dam, brought me to Volzhskiy. There, in the old town of the new town, I found my working holiday. There, with the help of fellow Zdravnitsa patient Marina Ukhonova and her children Volodya and Pauline, I could immerse myself in the well-planned streets, houses and apartment blocks with courtyards, nearby beach, parks, Palace of Culture, and a whole variety of town art, from powerful monuments to graffiti, and including my favourite: School 23 decorated by Gennadiy Chernoskutov in 1970. So, here, to end with, is Jeremy Howard's 'Holiday in Volzhskiy' visualised [Figs 60—76].

⁴⁶ See 'Holiday in Glenrothes' at <https://collections.st-andrews.ac.uk/series/holiday-in-glenrothes/573497> (accessed 2 June 2023).

⁴⁷ The same introduction is used on Borda's own website, where a sample of the photographs and links to discussions of the work are also provided. See: <http://www.sylviagborda.com/a-holiday-in-glenrothes.html> (accessed 2 June 2023). Readers might like to compare Borda's 'Holiday in Glenrothes' to the blog of Zita Katona, an Hungarian artist-designer living in Edinburgh, whose walks and photographs around Glenrothes in 2020 were to 'find source of joy and inspiration for my textile designs'. They did so with very positive results: Zitozza, 'Glenrothes' (in 3 parts), <https://www.zitozza.com/research/category/GLENROTHES> (accessed 5 June 2023).

Figs 60—69

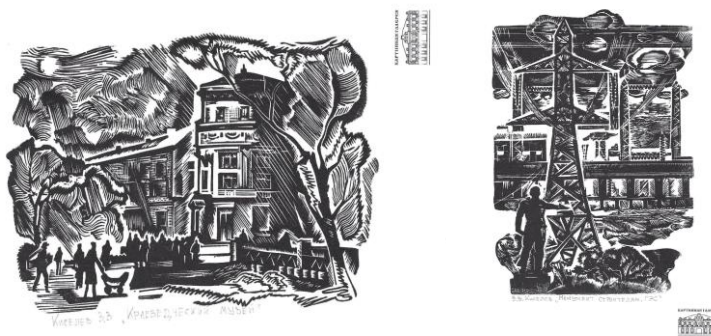

Figs 70—76

Figs 77—79

Furthermore, besides getting a feel for the city’s outside spaces, this tourist also went inside. I purchased a superb tour (led by guide Katya) of the inspiring Museum of Local History; viewed 1952 and 1955 albums of photographs of the ‘Construction of Stalingrad’s Hydroelectric Station’ [Figs 77—79]; at the “Old School” Art Gallery bought a few Volzhskiy prints by Viktor Kiselev [Figs 80—81] and, last but not least, a set of postcards of Russian modern and vernacular applied art [Fig. 84].

Figs 80—81

Fig. 82

The sun shone, ice-cream and fizzy drinks were consumed. Is not that what tourists want? On the other hand, on most days it was 40°C, so we might as well compare it with the handwritten message on the back of the sunny Colourmaster multiview card, written in Glenrothes by a retired couple to offspring in Aberdeen in the middle of the Scottish summer of 1977 (seven years after Colourmaster had ceased trading).

Had a nice run down here on Friday. At Dundee it was raining very heavy. We have had some showers today (Sat) but it is warm. Going into the Town Centre in the afternoon, so the shops should be quite busy. The Auld Two⁴⁸.

References

- Anonymous, (1969), 'New Town Mural', *Concrete Quarterly*, April-June, no. 81, pp. 16—17.
- Anonymous, (1970), 'St Ninian's — Theology in Architecture', Dedication Ceremony leaflet.
- Barclay, G. (1993), *Balfarg. The Prehistoric Ceremonial Complex*, Glenrothes: Fife Regional Council.
- Borda, S. G. (2008), "Holiday in Glenrothes", available from <https://collections.st-andrews.ac.uk/series/holiday-in-glenrothes/573497> and <http://www.sylviaighborda.com/a-holiday-in-glenrothes.html> (accessed 2 June 2023).
- Breen, K. (2021), 'New Life in an Old Town': *Wheeler and Sproson, and the Post-War Reconstruction of Burntisland and Dysart*, PhD thesis, University of Edinburgh, 2021, available from: <https://era.ed.ac.uk/handle/1842/38430> (accessed 5.06.2023).
- Cooper, M., et al. (2016), *Scotland: Building for the Future. Essays on the architecture of the post-war era*, Edinburgh: Historic Scotland.
- Cumming, E. (2022) *Phoebe Anna Traquair*, Edinburgh: National Galleries of Scotland. Dovey, K. (2022) 'Vale Allan Rodger, 1935-2022', *ArchitectureAU*, available from: <https://architectureau.com/articles/vale-allan-rodger-19352022/> (accessed 24 May 2023).
- Ferguson, K. (1996), *A New Town's Heritage. Glenrothes 1948-1995*, Glenrothes: Glenrothes Development Corporation.
- Films of Scotland Committee, Glenrothes Development Corporation, (1959) *New Day*, available from National Library of Scotland Moving Image Archive, available from: <https://movingimage.nls.uk/film/0307> (accessed 26 May 2023)
- Gardiner, S. (1972) 'Object Lessons', *The Observer*, 17 September 1972, p. 35.
- Gifford, J. (2000) *Fife. The Buildings of Scotland*, London: Penguin.
- Glenrothes Development Corporation (1970), *Glenrothes New Town. Master Plan*.
- Glenrothes Historic Environment Scotland, 'Listed Buildings. Glenrothes', available from, e.g.: <https://portal.historicenvironment.scot/designation/LB10012> (accessed 24 May 2023).
- Glenrothes Town Art, available from: <https://storymaps.arcgis.com/stories/dac4cb5070a046baaa7402fbd528f554>, (accessed 28 May 2023).
- Harding, D. (1975), *Glenrothes Town Artist: David Harding*, Glenrothes: Glenrothes Development Corporation.
- Howard, J. (2019, 2020), 'A Latvian architect in Scotland: Janis Visvaldis Miežitis', *Latvijas arhitektūra*, no. 144, pp. 84—87; no. 145, pp. 80-83; no. 146, pp. 94—97.
- Howard, J., Demetrius, A. (2018), 'Watch where you are...' *The Enduring Town Art of Glenrothes*, Cupar.
- Katona, Z. (2020), 'Glenrothes' (in 3 parts), available from: <https://www.zitozza.com/research/category/GLENROTHES> (accessed 5 June 2023).
- Osborn, F J., Whittick A. (1977), *New Towns. Their Origins, Achievements and Progress*, Lonon: Leonard Hill.
- Parkerson, L. (2016), *Glenrothes Town Art*: Edinburgh: Historic Scotland.
- Scott C., Sym, A. (2018) *Concrete Safari*, available from: <https://www.youtube.com/watch?v=DhA-DaPQKZo> (accessed 5.06.2023).
- Visit Scotland (Glenrothes), available from:
- Watson, A. S. A. (1957), 'Auchmuty School, Glenrothes', *Prospect*, Winter, no. 8, pp. 22—26.

⁴⁸ Postcard in author's collection.

Watters, D. (2001), 'St Columba's, Glenrothes: A post-war design laboratory for reformed worship', *Architectural Heritage*, vol. 12, no. 1, pp. 66-87.

Welcome to Fife (Glenrothes), available from: <https://www.welcometofife.com/destination/glenrothes> (accessed 2 June 2023).

Wood, A. J. D. (1989) *40 Years New Glenrothes*, Glenrothes.

Various articles from local and national newspapers, e.g. *Birmingham Daily Post*, *Daily Record*, *Dundee Courier*, *Fife Free Press*, *Glenrothes Gazette*, *Kilmarnock Standard*, *The Manchester Guardian*, *Strathearn Herald*, *Solihull News*, *The Times*

Статья поступила в редакцию 26.05.2023; одобрена после рецензирования 19.06.2023; принята к публикации 28.06.2023.

The article was submitted 26.05.2023; approved after reviewing 19.06.2023; accepted for publication 28.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Джереми Говард — доктор наук, старший преподаватель Сэнт-Эндрюсского университета, Сэнт-Эндрюс, Шотландия, Великобритания, E-mail: jch2@st-andrews.ac.uk

Jeremy Howard — PhD, Senior Lecturer of University of St. Andrews, St. Andrews, Scotland, UK, E-mail: jch2@st-andrews.ac.uk

Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 3. С. 39—52

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2023. No. 3. P. 39—52.

Научная статья

УДК 338.48-44(1-21)

DOI: 10.54347/Lab.2023.3.2

**«МОЛОДОСТЬ ДРЕВНЕГО СУЗДАЛЯ»:
ГОСТИНИЧНО-ТУРИСТСКИЙ КОМПЛЕКС И ПРОБЛЕМА АССИМИЛЯЦИИ
МОДЕРНИСТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ**

Мария Александровна Романенкова

Школа искусств и культурного наследия Европейского университета,
г. Санкт-Петербург, Россия, mromanenkova@eu.spb.ru

Аннотация. История по превращению Суздаля в город-музей была достаточно долгой. Первый проект, появившийся в 1945 году, не был реализован из-за нехватки средств. План 1955 года был отклонен после обсуждения, исполнение плана 1960 года — заморожено из-за нарушений в работе. Активные изменения в жизни Суздаля начали происходить с 1967 года, когда команда архитекторов при ЦНИИЭП торгово-промышленных зданий приступила к воплощению проектных предложений по организации туристского центра в городе.

Статья посвящена одному из главных элементов плана 1967 года — гостинично-туристскому комплексу на берегу реки Каменки. Анализ его архитектурных особенностей позволяет охарактеризовать сооружение как памятник локального модернизма и пример воплощения национальных архитектурных черт в парадигме интернационального стиля. Анализ комментариев и воспоминаний авторов амбициозного проекта позволит уточнить их интенции. Обращение к статьям корреспондентов столичных газет и журналов, высказываниям деятелей науки и искусства продемонстрирует многообразие мнений о проблеме изменения инфраструктуры древнего города. Подобный подход предоставит возможность встроить создание ГТК в ряд явлений экономической и культурной сфер Суздаля, характеризующих новый этап его развития во второй половине 1960—1970-х годов.

Ключевые слова: туризм в СССР, Суздаль, архитектура модернизма, город-музей, «Золотое кольцо», охрана памятников архитектуры

Для цитирования: Романенкова М. А. «Молодость древнего Суздаля»: гостинично-туристский комплекс и проблема ассимиляции модернистской архитектуры в историческом ландшафте // *Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 3. С. 39—52.*

Original article

“THE YOUTH OF ANCIENT SUZDAL”: HOTEL AND TOURIST COMPLEX AND THE ISSUE OF MODERNIST ARCHITECTURE ASSIMILATION IN THE HISTORICAL SETTING

Maria A. Romanenkova

School of Arts and Cultural Heritage of European University in Saint Petersburg,
Saint Petersburg, Russian Federation, mromanenkova@eu.spb.ru

Abstract. Suzdal's transformation into a museum city has a lengthy history. The original project, which debuted in 1945, was canceled due to a lack of funding. The second plan (1955) was rejected immediately after it was discussed. The third one (1960) was halted due to malfunctions. Active changes in Suzdal's existence began to take place in 1967, when a team of architects from the Central Research Institute of Commercial and Industrial Buildings began to implement project suggestions for the establishment of a tourism center in the city. The article focuses on one of the key components of the 1967 plan: a hotel and tourist complex on the bank of the Kamenka River. The analysis of architectural elements of the construction allow us to characterize it as a monument of local modernism and an example of the embodiment of national architectural traits in the paradigm of international style. The examination of comments and reminiscences of the authors of the ambitious project will allow us to better understand their intentions. The study of articles written by capital newspaper and magazine correspondents and the analysis of statements made by scientists, artists and writers will reveal the range of viewpoints on the topic of the old city's infrastructure modification. Such an approach will provide a chance to integrate the creation of the hotel and tourist complex into a variety of phenomena in Suzdal's economic and cultural sectors, defining a new stage of its development in the second half of the 1960—1970s.

Keywords: tourism in the Soviet Union, Suzdal, modernist architecture, museum-city, “The Golden Ring”, architectural monuments' preservation

For citation: Romanenkova, M.A. (2023) “Molodost' drevnego Suzdalia”: gostinichno-turistskii kompleks i problema assimiliatsii modernistskoi arkhitektury v istoricheskom landshafte [“Youth of ancient Suzdal”: hotel and tourist the complex and the problem of assimilation of modernist architecture in the historical landscape], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 3, pp. 39—52.

В 1862 году начала работу Московско-Нижегородская железная дорога, проложенная в тридцати верстах от Суздаля [Аксенова, 2004: 17]. Древний торговый центр, теряя свое значение, стал «замерзать во времени». «Отсутствие сырьевой базы, транспортных путей для доставки сырья и вывода продукции затрудняло строительство в городе крупных заводов и фабрик» [Ранинский, 1981: 42], поэтому в отличие от соседнего Владимира и других исторических городов области (Мурома, Гороховца, Александрова, Гусь-Хрустального) Суздаль и в советское время не получил импульса к экономическому развитию. Экономическая и культурная стагнация города привели к снижению численности его населения и демографическому старению последнего. Однако перечисленные отрицательные характеристики социально-экономической жизни Суздаля оказали (отчасти) благоприятное влияние на сохранение его исторического облика. Суздальские памятники архитектуры не так сильно пострадали от сносов и искажений, сагитированных антирелигиозными кампаниями 1920—1930-х, 1954 и 1958—1964 годов, а также разработкой новых градостроительных планов, как то было характерно для крупных промышленных и культурных центров СССР.

Кроме того, Суздаль не нуждался в современном строительстве — старые здания нередко приспособляли под новые нужды¹.

К середине XX столетия город являл собой пространство, располагающее к романтизирующей ностальгии. Процесс реставрации архитектурных памятников Суздаля был запущен еще в 1945 году постановлением СНК СССР «О мероприятиях по сохранению и реставрации памятников архитектуры во Владимирской области» [Аксенова, 2003: 19]². В 1958 году благодаря постановлению Совета Министров РСФСР был организован Владимиро-Суздальский историко-архитектурный заповедник [Аксенова, 2004: 116—117]. Синхронно с отмеченными постановлениями выходят из печати первые путеводители по древнему городу, конструирующие и пропагандирующие его историзированную идентичность³. Спустя десятилетие потенциал Суздаля как «*сокровищницы памятников национального зодчества*» [Варганов, 1944: 32], обеспечивающей «*живую связь с прошлыми поколениями*» [Тельтевский, 1968: 6], будет оценен по достоинству. Пока же посетители набирающего популярность Суздаля жаловались на отсутствие комфортной городской среды и слабый контроль властей за архитектурными памятниками⁴.

Перечисленные проблемы, по крайней мере с середины 1950-х годов, привлекали внимание как местных, так и центральных властей. В 1955 году Мособлпроект разработал генеральный план реконструкции города, основной акцент, согласно которому, был сделан на сохранении исторической среды и панорамы Суздаля [РГАЛИ, ф. 674, оп. 4, ед. хр. 1015, л. 18]. Однако план обходил стороной вопрос об отсутствии в городе предприятий, способных обеспечить его экономическую независимость и развитие, и с 1960 года Владпроект, по решению обисполкома, разрабатывал план по размещению сельскохозяйственной опытной станции и необходимой для ее функционирования инфраструктуры на западных территориях Суздаля [там же]. В соответствии с протоколом заседания технического Совета при Владимирской областной проектной организации «Владпроект» от 21.02.1962 года [там же, л. 3—12], а также в соответствии с отчетом о проведенном Комиссией содействия охраны памятников и Комиссией по градостроительству Правления Союза

¹ Безусловно, подобное отношение к историческим сооружениям не проходило бесследно. Качественной реставрации требовал, помимо прочего, ансамбль Ризоположенского монастыря, в соборе которого с 1929 года размещалась электростанция, в Сретенской церкви — кинотеатр, а в келейном корпусе — жилые помещения [Аксенова, 2004: 122].

² Как замечают Е. М. Болтунова и Г. С. Егорова, Постановление от 1945 года уже предполагало превращение города в Суздаль-музей. Реализации проекта помешала нехватка средств [Болтунова, Егорова, 2022: 133—138].

³ Таковыми были путеводители Варганова [Варганов, 1944] и Воронина [Воронин, 1958].

⁴ Владимирец Н. Волков так писал в редакцию газеты «Известия»: «Недавно мне пришлось побывать в древнем городе Суздале. То, что я увидел там, поразило меня. На улицах грязь, дома не белены, очень мало зелени. На некоторых улицах нет табличек с названием улиц» [Строки из писем, 1960: 3]. Схожей интонацией обладало письмо художницы Н. Голиковой в редакцию «Советской культуры»: «...он [Суздаль] не ухожен. Надо немедленно приводить в должное состояние и архитектурные памятники, и жилые дома, надо их благоустроить» [Бычков, Леднев, 1967: 2]. Корреспондент «Огонька» Владимир Николаев в 1986 году вспоминал: «Впервые я попал в Суздаль в 1965 году. Состояние, в котором тогда находился один из самых уникальных в мире архитектурных ансамблей, меня поразило... На всех древних строениях аккурратно прикреплены массивные плиты, удостоверяющие, что перед вами действительно памятник архитектуры. Они, пожалуй, необходимы, эти надписи. А то и не поверишь! Ведь через разбитые окна и ржавые решетки видно, каким несусветным хламом забиты все эти «памятники архитектуры»... Сегодня Суздаль 1965 года вспоминается как дурной сон» [Николаев, 1986: 33]. Впрочем, по замечанию писателя Ю. Халаминского, надписи, сообщавшие о статусе суздальских архитектурных сооружений, в 1958 году размещались прямо на стенах зданий [Халаминский, 1958: 2].

архитекторов СССР обсуждении генерального плана Суздаля, принципах развития и застройки последнего от 28—29.06.1963 [там же, л. 16—20], Суздаль должен был стать «не только городом-музеем», но и центром сельского хозяйства и легкой промышленности [там же, л. 31]⁵. По выражению главного архитектора Всесоюзных научно-реставрационных проектных мастерских А. Д. Варганова, «феодалному городу» предполагалось «привить социалистическую душу» [РГАЛИ, ф. 674, оп. 4, ед. хр. 1015, л. 10]⁶.

Однако по результатам проверки по исполнению рекомендаций Союза архитекторов СССР выяснилось, что в том же 1963 году областной отдел строительства и архитектуры перестал выделять средства на дальнейшую разработку генерального плана Суздаля Владпроектком [там же, л. 34], что спровоцировало хаотичное ведение строительства, в том числе и в районе туристической дороги, и нарушения при реализации проекта сельскохозяйственной опытной станции [там же, л. 40—41]. Несмотря на проделанную владимирской организацией работу, Госстрой по ходатайству областного отдела строительства и архитектуры передал задачу проектирования генерального плана Суздаля Гипрогору [там же, л. 35]. Но с середины 1950-х годов многое в жизни города изменилось, требовались иные варианты его преобразования.

В мифологии «суздальского Ренессанса» фундаментальную роль сыграл визит в город в 1965 году барона Ротшильда, поделившегося таким впечатлением: «Я богатый человек, но если бы мне дали Суздаль на несколько лет, я бы удвоил свое состояние» [Аксенова, 2004: 124]. Идентификация знаменитого туриста часто осуществляется ошибочно. Так, А. И. Аксенова указывает, что Суздаль посетил «известный банкир»⁷ [там же], хотя в город приезжал Филипп Ротшильд со своей супругой Полин, написавшей впоследствии книгу “The Irrational Journey” об этом путешествии [Rothschild, 1967]⁸. Тем не менее «подмену» одного Ротшильда

⁵ Основные постановления указанных обсуждений, вероятно, необходимо рассматривать сквозь призму статьи Рейнера Бэнэма «Забальзамированный город», опубликованной 12.04.1963 года в британском журнале “New Statesman” [Banham, 1963] и приложенной в переведенном виде к машинописному протоколу перечисленных выше заседаний. Архитектурный критик и теоретик брутализма в своем тексте подчеркивал разницу «между сохранением урбанистической структуры, служащей опорой для хорошей жизни, и простым бальзамированием памятников старины» (цит. по: [РГАЛИ, ф. 674, оп. 4, ед. хр. 1015, л. 99]). Карандашом в переводе статьи был в частности подчеркнут такой фрагмент: «С городами надо обращаться почти как с парками — вырубать, пересаживать и расчищать, т. е. постоянно обновлять с тем, чтобы поддерживать и усиливать ту навечную связь людей со зданиями, которая придает городам специфический характер, создавая из них особую категорию человеческого общения» (цит. по: [там же, л. 86]). Модерный образ города возникает в советской поэзии этого времени. Например, в «Суздале» Андрея Вознесенского: «Я в городе бидонном, / Гудящем, молодом. / Америку догоним / По мясу с молоком!» [Вознесенский, 1960: 4] и одноименном стихотворении Виктора Полторацкого, построенном на контрастах старого и нового, противопоставлении религии и технического прогресса: «Нет, и покров, и троица / Отбыли век свой с дедами. / А здесь иное строится, / Дела иные ведомы...» (цит. по: [Васильев, 1961: 3]).

⁶ Следует отметить, что не все присутствовавшие на совещании Совета при Владпроекте придерживались подобного мнения. Руководитель группы от Союза архитекторов СССР, представитель отдела охраны памятников Земцов С. М. и архитектор Бабаян В. Б. настаивали на «музейном» характере города [там же, л. 8].

⁷ В недатированной статье «Суздаль и туризм» Н. Н. Воронин отождествил Ротшильда с Рокфеллером [Болтунова, Егорова, 2022: 350].

⁸ И название “The Irrational Journey”, и подзаголовок “A Russian winter through the eyes of an acute and delighted visitor”, и обложка публикации свидетельствуют об ориенталистском, экзотизирующем взгляде писательницы и ее издателя на русскую культуру, соответствующем ожиданиям западного читателя. Аннотация, предваряющая повествование, гласит: «Они [супруги Ротшильд] избрали зиму [в качестве времени путешествия], так как из всех времен года это — наиболее русское» (пер. мой. — М. Р.). Подобная оптика в числе прочего

на другого следует объяснять не только путаницей в разветвленной генеалогии династии. Для восхищения историческим, воплощающим максимум ожиданий о национальном своеобразии городом выбран не просто иностранец, но стереотипный представитель буржуазного капиталистического общества.

Идея превращения Суздаля в город-музей возникла, однако, не только благодаря эффектной фразе⁹. Постепенное улучшение экономического состояния населения СССР, развитие отраслей легкой промышленности, удовлетворение спроса (и не только на товары первой необходимости) формировали своеобразное советское общество потребления, значительная роль в котором была отведена досугу и формам его проведения, одной из самых распространенных среди которых стал туризм [Gorsuch, 2011: 27]. Более того, посещение древних городов удовлетворяло интерес к древнерусской истории и искусству, усиливавшийся среди советского населения со второй половины 1950-х годов. В брошюре, посвященной проекту создания туристского центра в Суздале, авторы указывали, что сохранившиеся памятники древнерусского искусства «являются одной из основ формирующейся коммунистической культуры и важнейшим средством воспитания современного поколения в духе глубокого уважения к истории родины, к огромному труду и творческому гению нашего народа» [Орлов, Посохин, Семерджиев, 1967: 3], акцентируя идеологический потенциал собственного замысла.

На пересечении указанных явлений в 1967 году возник, пожалуй, самый известный советский туристический маршрут «Золотое кольцо» [Бычков, Жегис, Фомин, 1967: 2], куда входил и Суздаль. Хотя последний не особо нуждался в дополнительной популяризации: численность посетителей Владимиро-Суздальского заповедника с 86 тысяч человек в 1960 году возросла до 300 тысяч в 1966 году (5—7 тысяч из которых были иностранцами) [Орлов, Посохин, Семерджиев, 1967: 10]. В каждые выходные летнего сезона в городе останавливалось более сотни туристических автобусов [Аксенова, 2004: 129]. Однако на том момент в Суздале не существовало никакой инфраструктуры, которая помогла бы городу справиться с потоком посетителей и обеспечила бы последним качественный отдых. Туристы были лишены возможности задержаться в городе больше, чем на день: помимо

становится предметом едкой иронии в рецензии Н. Н. Берберовой: «Теперь же, в 1960-е, у нас есть Суздаль и Ростов, колокольные звоны, кресты, луковичные главы, милые попрошайки на церковных гульбищах (прелестные инвалиды Второй мировой войны) и — если еще не отели — парочка частных домиков (принадлежащих муниципальным властям?), временно очищенных от клопов ради именитых иностранцев, с улыбающимся персоналом в накрахмаленных фартуках» [Berberova, 1968: 261] (пер. мой. — М. Р.). Позже над тем же явлением шутил сатирический хоровой ансамбль выпускников Московского архитектурного института «Рейсшинка». В 1983 году его участница Римма Алдонова впервые исполнила песню «Знаю милый» (на мотив одноименного произведения Р. Паулса), куда входили такие строки: «Если, милый, гости едут к нам, / Есть нам, что буржуям показать, / Сводим в заповедные места, / Чтоб последний доллар отобрать... / Для гостей у нас, блаженный мой, / Полно иконостасов, / А какая площадь Красная!» [Знаю, милый. URL: http://www.bobmaystories.com/koxinor/texts/znaju_milyj.htm (дата обращения: 22.12.2022)].

⁹ Кроме того, ею интересовались разные социальные группы включая, безусловно, академическое сообщество. Так, во время заседания группы по изучению древнерусского искусства Института истории искусств 5 апреля 1960 года Е. М. Караваева прочла доклад «Развитие архитектурного ансамбля города Суздаля», спровоцировавший обсуждение современного состояния города. О желании наделения Суздаля статусом заповедника и «воскрешении его древнего облика» упоминали В. Н. Лазарев и Г. П. Гунькин: [РГАЛИ, ф. 2465, оп. 2, ед. хр. 506, л. 14—17]. В 1958 году во Владимире было проведено совещание по вопросам изучения, охраны и реставрации памятников культуры. Прочитанные во время совещания доклады были посвящены местным произведениям искусства: [Изучение и охрана памятников старины, 1958: 2]

60-местной гостиницы «Сокол», появившейся в 1961 году [там же: 123], ближайšie к Суздаю отели находились уже во Владимире [Pattle, 2018: 296]¹⁰.

С. В. Ямщиков, исследователь древнерусской живописи и провинциального портрета, консультировавший А. А. Тарковского во время съемок «Андрея Рублева», вспоминал: «В начале 1964-го... Я приехал в свой любимый Суздаль. Тогда никаких турцентров, один только что построили — гостиничку, раньше я еще жил в чичиковской гостинице XVIII века» [Савва Ямщиков о работе... URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nkgf118fZpo>].

В начале 1966 года представители власти Владимирской области — секретарь обкома КПСС М. Пономарев и председатель облисполкома Т. Сушков — представили Совету Министров СССР проект дальнейшего развития туризма во Владимире и Суздае. Особое внимание в нем было уделено реставрации и музеефикации памятников архитектурного наследия, развитию туристской и коммунальной инфраструктуры [РГАЛИ, ф. 2329, оп. 2, ед. хр. 1166, л. 80—85]. Министерство Культуры СССР считало возможным «в основном поддержать эти предложения» [там же, л. 74], и 23 марта 1966 года Советом Министров РСФСР было принято постановление, «в значительной мере удовлетворяющее просьбу партийных и советских органов Владимирской области» [там же].

В том же году Суздаль посетили секретарь ЦК КПСС А. Н. Шелепин и главный архитектор Москвы М. В. Посохин для обсуждения концепций развития города [Аксенова, 2004: 124]. Последний поручил команде архитекторов и экономистов при ЦНИИЭП торгово-промышленных зданий и туристических комплексов представить проектные предложения и технико-экономические обоснования по созданию туристского центра в городе [Орлов, Посохин, Семерджиев, 1967] в соответствии с генеральным планом Суздаля, разработанным Гипрогором [Брунцев, 2017: 117—118]. Замысел архитекторов был утвержден 1 августа 1967 года Постановлением Совета министров СССР [Аксенова, 2004: 125], запустившим процесс долгой и кропотливой работы.

Утвержденный Советом министров СССР проект предполагал комплексный подход к благоустройству Суздаля, актуализируя ценность последнего как цельного архитектурно-природного ансамбля. Достопримечательностью, таким образом, становился сам город¹¹. Амбициозный проект, ориентированный на западноевропейскую практику увеличения экономической рентабельности архитектурных памятников, ставил своей целью охват всех сфер жизни будущего туристического и культурного центра — от создания новой сети транспортных коммуникаций до продажи сувениров, выполненных местными ремесленниками [Орлов, Посохин, Семерджиев, 1967].

О планах авторов проекта советских граждан информировала столичная пресса. Все чаще внушительные заметки посвящались обсуждению таких неизвестных ранее аспектов, как высокая рентабельность туристической индустрии и необходимые условия для ее качественного функционирования включая успешные маркетинговые стратегии¹². Однако не все разделяли положительный взгляд

---

¹⁰ Впрочем, качество обслуживания в них оставляло желать лучшего. Полин Ротшильд, восторженно отзываясь обо всем путешествии в “The Irrational Journey”, указывает на неудобный график подачи горячей воды и ее «ужасный» запах во владимирской гостинице [Rothschild, 1967: 74].

¹¹ Ю. В. Ранинский, один из архитекторов суздальского гостинично-туристского комплекса, подчеркивал желание «как можно более полно сохранить чистоту исторического характера города, ту атмосферу, в которой возникли его шедевры и которая сама по себе является одним из главных богатств Суздаля» [Ранинский, 1981: 208].

¹² Как писал журналист И. Белоконов, «у нас скорее сумеют реставрировать сложный архитектурный комплекс, нежели подлинно художественно и ярко запечатлеть его образ

на будущие изменения в жизни Суздаля¹³. Спустя год после изъяснения благосклонной реакции на новость о преобразовании древнего города [Волков, 1967: 11]¹⁴ Олег Волков — член ВООПИИК и общественный деятель — опубликовал в «Литературной газете» критическую статью «Снова о Суздале. Реставрация или ресторация?» [Волков, 1968: 10], в которой противопоставлял высокую культуру (образцовые памятники древнерусского искусства) популярным моделям массового досуга¹⁵. Он также выступал против заимствования решений в деле создания первого в стране города-музея (безусловно, критикуя апелляции к западноевропейскому опыту авторов проектных предложений по созданию туристского центра в Суздале). Близкую Волкову консервативную позицию занимали деятели науки и культуры, отвечая на вопрос корреспондента журнала «Наука и жизнь» о своих представлениях о будущем знаменитого города. Археолог Б. Рыбаков указывал на необходимость «соблюдать чувство меры, чтобы не превращать на потребу туристам поэтический старинный город в зазвонную ярмарку с плохо задуманными аттракционами»; художник В. Иванов был уверен в том, что «в Суздаль едут не развлекаться, а знакомиться с памятниками национальной культуры»;¹⁶ искусствовед Н. Воронин полагал, что «не везде и не всегда обязательно следовать опыту зарубежного бизнеса», объясняя это тем, что «не лицу торговать Суздалем» [Брунцев, 2017: 91—92].

«Литературная газета» не сразу дала возможность авторам суздальского проекта выступить с ответной статьей [там же: 99—100]. Сначала старинный город с целью «расследования» посетили трое корреспондентов [Левииков, 1976: 13]. Однако представить будущий облик Суздаля спустя год после начала работ было невозможно. В печати выступил М. Орлов — директор ЦНИИЭП торгово-промышленных зданий и туристических комплексов. Признавая сложность поставленной перед его командой задачи¹⁷, он обращал внимание читателей на согласованность каждой детали проекта с профессионалами, настаивал на том, что доходы от массового туризма позволят выделять больше средств на реставрацию архитектурных памятников, а также находил убеждения Волкова элитистскими [Орлов, 1968: 10]. После выпуска заметки Орлова полемика прекратилась¹⁸.

на открытке» [Белоконь, 1966: 2]. О грамотном «использовании» города-заповедника см. также: [Беляев, Ваняшова, 1967: 4], [Шагов, 1975: 3], [Бычков, Леднев, 1967: 2—3], [Членов, 1977: 6], [Членов, 1973: 6].

¹³ О взглядах «пуристов» на суздальский проект см. также: [Pattle, 2018: 296] Исследовательница, однако, неверно трактует слова В. Выборного о переселении суздальчан во Владимир и четком расписании часов посещения Суздаля туристами — они имеют явно ироничный характер. См.: [Выборный, 1967: 11].

¹⁴ Эта заметка Волкова делила газетную страницу с высказываниями М. Орлова, директора ЦНИИЭП торгово-промышленных зданий и туристических комплексов, и В. Выборного, одного из авторов нового генерального плана Суздаля [Орлов, 1967: 11], [Выборный, 1967: 11].

¹⁵ «Нельзя потворствовать дурной привычке всегда и во всем находить предлог для веселых застолий, способствовать подмене восхождения по не всегда легким ступеням, ведущим к познанию культуры, скольжением по тропкам развлечений... Познание произведений кисти и резца, творений архитектора требует такой же тишины, как слушание музыки» [там же].

¹⁶ Подобная риторика пронизывает гораздо более позднюю статью старшего научного сотрудника научно-исследовательского института культуры И. Карпенко: «15 минут — Рублеву, 2 часа — эстраднему ВИА-шоу. Нормально. Контрасты двадцатого века. Зато какая мозаика впечатлений!... И создается у человека впечатление, что он приобщился к ценностям высокой культуры. Но это — впечатление, имитация подлинного духовного овладения ценностями»: [Карпенко, 1986: 3].

¹⁷ Как писал архитектор В. Выборный: «Мы слышали со всех сторон: «Ваша задача — сохранить жемчужину древней русской архитектуры». Совет хорош, но как его исполнить?» [Выборный, 1967: 11].

¹⁸ Кроме того, успешный опыт Суздаля стремились перенять в других исторических городах. Например, на него указывали главный архитектор Новгорода А. Сайковский

Однако для авторов проекта по превращению Суздаля в крупный туристский центр проблемной представлялась не только основная задача модернизации старого города — гармоничного включения в историческую среду объектов, удовлетворявших запросы современных путешественников, — но и частный вопрос о выработке подходящего архитектурного языка для задуманного гостиничного комплекса в Коровниках¹⁹. По мысли главного архитектора комплекса Ю. Ранинского, необходимо было воплотить национальные формы модернистской парадигме²⁰.

Заметим, что эксперименты по модернизации традиционных архитектурных форм присутствовали в советской практике и ранее. Одним из самых ярких примеров подобных экспериментов можно назвать станцию московского метро «Серпуховская» (ныне «Добрынинская»), которую спроектировал Л. Н. Павлов, консультировавшийся со знаменитым исследователем древнерусского зодчества М. А. Ильиным [Павлов, 2015: 26—27]. Несмотря на то, что аскетизм облика станции явился результатом критики первоначального проекта Дмитрием Чечулиным — главным архитектором Москвы [там же], — финальный вариант объявили «примитивным и однообразным» [Костина, 2019: 80]. Однако если зодчие эпохи позднего сталинизма в основном заимствовали из древнерусской и русской народной архитектуры декоративные детали, архитекторы-модернисты ценили национальные памятники прошлого за функционализм и эстетическое осмысление конструкции²¹. При проектировании суздальского гостинично-туристского комплекса «одной из априорных установок авторского замысла была установка на создание современных сооружений, которая заведомо исключала какие-либо стилизации и “ретропоиски” с применением подобию или копированием форм прошлых эпох», однако одновременно авторский коллектив посчитал бы профессиональной неудачей «объективный контраст» современного и исторического ансамблей [Ранинский, 1981: 210—213].

Кроме того, даже за непродолжительный период бытования чистых модернистских форм в советской архитектурной практике к ним выработалось отношение, близкое тому, что накладывалось на восприятие абстрактных живописных полотен: модернистский стиль не был закреплен ни за одной национальной культурой²². Отсутствие узнаваемых национальных черт «выталкивало» модернистские здания из исторического пейзажа, подчеркивало их чуждость последнему, выявляло разрывы с традицией. «Необоснованная застройка районов, представляющих художественную и историческую ценность, ... зданиями несложившегося архитектурного стиля» грозила «привести облик городов к унылому и низкокачественному

и начальник управления по делам строительства и архитектуры Новгородского облисполкома Е. Терлецкий [Сайковский, Терлецкий, 1974: 6].

¹⁹ Сложность этого вопроса подчеркивал в своей заметке секретарь Союза архитекторов СССР Я. Белопольский: «Первая приходящая в голову мысль — не строить вообще ничего современного рядом с крепостными башнями и соборами!» [Белопольский, 1975: 11].

²⁰ Формы «именно суздальской современной архитектуры, конкретной и ясной, характерной для данного времени, для данного места, а не привезенной издалека» [Ранинский, 1981: 232].

²¹ Ю. Я. Герчук приводит в качестве характерного примера подобной тенденции статью А. Чекалова «Пространство и пластика народного жилища» 1963 года, в которой автор указывает: «Геометрия, система горизонтальных и вертикальных плоскостей, выразительность фактуры светлой сосны или ели, растянутость помещения вширь, низкие, не доходящие до потолка переборки...», то, что «народный интерьер решается как сугубо типовой... может представлять не только исторический, но и практический интерес в наши дни, в связи с созданием массового типа жилища» [Герчук, 2016: 241].

²² Как замечает В. Н. Дьяконов, «Одним из пунктов критики абстракции в советской периодике станет отсутствие у абстрактных художников «почвы» и национальной принадлежности: сочетание цветовых пятен, как считали советские критики, может быть создано в любом контексте и в любой стране мира. Образ абстракциониста, в сущности, является дальним родственником образа «безродного космополита»» [Дьяконов, 2017: 269].

стандарту» [РГАЛИ, ф. 2082, оп. 3, ед. хр. 793, л. 24]. Реакция на попытки внедрения подчеркнуто современных сооружений в районы старой застройки была болезненной. Достаточно взглянуть на то, как воспринималась возведенная в 1967 году на Москворецкой набережной гостиница «Россия»²³. Впоследствии, когда строительство гостиничного комплекса в Коровниках близилось к концу, в нем с удовольствием отмечали отсутствие «безликости» [Рыжов, 1977: 6], «интересность» и «необычность» [Белопольский, 1975: 11] архитектуры.

Одним из самых деликатных решений при планировании огромного (гостиница на 400 мест, мотель на 300 мест, летний кемпинг на 200 мест) комплекса стало его размещение в северо-восточной части города, в излучине реки Каменки. На территории западной части Суздаля, объявленной историко-заповедной зоной, новое строительство было запрещено [Орлов, Посохин, Семерджиев, 1967: 15]. Таким образом, ансамбль современных зданий, скрытый за высоким берегом реки, не был виден из исторического центра города, зато череда архитектурных доминант старого Суздаля разворачивалась перед взглядом каждого постояльца новой гостиницы.

В плане суздальский комплекс представляет собой распластанную по горизонтали структуру, напоминающую архитектурные опыты авангарда. Растянувшийся вдоль Каменки корпус гостиницы объединяет в себе ресторан, бассейн и административный центр. Перпендикулярно ему вынесен длинный объем мотеля. Малоэтажность комплекса, его нарочитая асимметричность, протяженность в разные стороны, небольшие, но заметные перепады объемов, наделяют его (при движении зрителя) органической тектоникой и переменчивостью облика. Благоустройство зоны вокруг ансамбля, выполненное под руководством В. Косаржевского, усиливает эффект естественного вращивания современной архитектуры в природный ландшафт. Все перечисленные качества гостинично-туристского комплекса, что было важно для авторского коллектива, являлись характерными приметами исторической застройки Суздаля.

Однако новый ансамбль наследовал не только указанные особенности национальной архитектурной традиции. Один из самых эффектных объемов комплекса — корпус ресторана — был убран под почти доходящую до земли двускатную кровлю, определяющую типичный силуэт русской избы, убедиться в чем не составляло трудностей: в это же время на другом конце города началось сооружение Музея деревянного зодчества и крестьянского быта [Аксенова, 2004: 128]. Внутри перекрытие ресторана было облицовано подобием лемеха. Плоскость стены здания в его ключевых частях прерывается яркими акцентами. Таковыми стали резные камни, разбросанные по пилонам главного входа, рельефная композиция «Время», размещенная справа от него (автор работ — Ю. В. Александров), и мозаичное панно «Гостеприимство», занимающее стену у входа в ресторан (художник — А. Н. Кулиев). Техники мозаики и резьбы по белому камню апеллируют к древнерусскому и — локальнее — владими́ро-суздальскому художественному контексту, а также поддерживают идею синтеза искусств. Некоторые детали скульптурных элементов (аркатурный пояс, повисший на консолях, аллегорические человеческие и бестиарные фигуры,

²³ «...некоторые примеры неудачной застройки последних лет (Новый Арбат, гостиница “Россия”) нанесли непоправимый урон эстетическому облику центра Москвы, и подавляя главные исторические доминанты в архитектурном облике Москвы, в первую очередь Кремль [там же, л. 27]. В. А. Солоухин считал, что новое здание лишило район «духа старой Москвы» [Брунцев, 2017: 91]. Над очевидным контрастом модернистской и древнерусской архитектуры пронизывал хор «Рейшинка», исполняя такие строки: «Меж берез отель красивый, / Называется «Россия» / Только все же не Россия... А вокруг шатры и главы / И боярские палаты / Наша каменная слава, / Все, чем зодчество богато. / За стеной Иван Великий, / И блажен стоит Василий, / Знать жива еще Россия, / Настоящая Россия» [Россия. URL: <http://bobmaystories.com/koxinor/texts/rossiya-hotel.htm>].

стоящие отдельно, либо заключенные в круги), напрямую заимствованы из самых знаменитых архитектурных памятников владимирской земли. Иконографически же выбранные образы вольно трактуют мотивы не только древнерусского, но и народного искусства (например, фараонка или кентавр-Полкан на пилонах главного входа). Кроме того, цельный замысел композиции «Время», включавшей в себя как перечисленные фигуры, так и знаки зодиака, и персонификации времен года, должен был воплощать непрерывную связь минувшего, настоящего и грядущего и апеллировать к проблематике вечности [Ранинский, 1981: 261]. Типичное позднемодернистское мозаичное панно «Гостеприимство» обращалось к семантике гостевого дома [там же: 229].

Выбор белого камня в качестве основного материала ансамбля возводил последний к традиции школы владими́ро-суздальского зодчества. Дополнительные цвета — «золотисто-коричневый» и «серебристо-серый», — по мысли авторского коллектива, соответствовали гамме Суздаля [там же: 238].

Интерьеры гостинично-туристского центра, напротив, были практически лишены конкретных отсылок к исторической архитектуре — подчеркнутая современность их дизайна располагала к отдыху посетителей от обилия наполненных смыслом визуальных форм [там же: 243—244]. Тем не менее, активное использование разнообразных дорогостоящих отделочных материалов (например, пол главного приемного зала был вымощен плитами черного лабрадорита, разделенными тонкими брусками латуни) сообщало помещением комплекса насыщенность цветом и богатство фактуры, что, в конце концов, должно было тонко напоминать туристам о памятниках древнерусской архитектуры, отличающихся суровой лаконичностью внешнего облика, контрастирующей с пышной нарядностью внутренних покоев [там же: 244].

Длившееся десятилетие строительство завершится большим успехом: «руководителю работ М. Орлову, архитекторам В. Косаржевскому и Ю. Ранинскому, конструктору В. Лепскому, скульптору В. Брунцеву, строителям Г. Артюшенко, А. Морозову, Е. Черкашину была присуждена государственная премия СССР за 1978 год в области литературы, искусства и архитектуры» [Аксенова, 2004: 137]. Несмотря на то, что далеко не все из предусмотренных проектом предложений по реорганизации Суздаля в туристско-культурный центр были осуществлены²⁴, авторам нового гостинично-туристского комплекса удалось воплотить современный подход в градостроительстве и работе с исторической архитектурно-природной средой. Восторженные отзывы о суздальском примере переосмысления национального наследия появлялись в прессе как в процессе возведения комплекса [Членов, 1973: 6], так и по его завершении [Шаменкова, 1980: 3]. «Молодостью древнего Суздаля» назвал журналист «Советской культуры» А. Белкин обширную программу реставрации памятников города [Белкин, 1977: 8]. Однако это выражение подошло бы и для характеристики нового гостинично-туристского комплекса — одного из интересных советских сооружений эпохи позднего модернизма, выразившего локальный язык интернационального стиля, актуализировавшего традиционные смыслы в современных формах²⁵ и одновременно наполнившего традиционные формы новыми смыслами.

При этом важно отметить, что вынесение современной инфраструктуры за пределы охранной зоны города подчеркнуло историческую идентичность последней, позволив ей стать воплощением тех ожиданий, что были свойственны туристу 1960—1970-х гг. (и остаются актуальными до сих пор). Например, проектные

---

²⁴ Анекдотичный случай произошел в 1974 году, когда, неясно под началом какой институции, в центре города появилось колесо обозрения, нарушившее тщательно оберегаемую историческую панораму [Малапагин, 1974: 6].

²⁵ Анализируя иллюстрацию, сопровождавшую первую газетную публикацию о маршруте «Золотое кольцо» [Бычков, Жегис, Фомин, 1967: 2], Шейла Пэттл отмечает характерное соединение образов старины и модерности, воплощенных в изображении луковичного купола деревянной церкви, опоры линии электропередач и подъемного крана [Pattle, 2018: 284].

предложения по превращению Суздаля в город-музей включали экскурсионные маршруты на конных упряжках, а также на лодках, следовавших по Каменке и Нерли [Аксенова, 2004: 131]. В 1967 году начал работу Суздальский медоваренный завод и ставший культовым ресторан «Погребок»²⁶.

Неудивительно, что главный герой фильма «Тема»²⁷ (реж. Панфилов Г. А., 1979 г.), признанный столичный писатель, переживающий этап творческого кризиса, будто воплощая завет Игоря Кобзева («*Станет тебе горько, / Станет грустно ль, / Затоскует сердце под дождем, / Знаешь что? Давай поедем в Суздаль! / Вот увидишь: в сказку попадем!*») [Игорь Кобзев. Поездка в Суздаль. URL: <https://rustih.ru/igor-kobzev-poezdka-v-suzdal/>], едет прочь от городской суеты именно в Суздаль — «*край скромный, чистый, родной*»²⁸.

Степень специфичности сбереженного суздальского городского пейзажа особенно заметна при противопоставлении последнего облику иных исторических городов Центральной России. Показательно, что во время выездного заседания секции реконструкции исторических городов и охраны памятников архитектуры по вопросу реконструкции исторического центра Владимира, прошедшего 23—24 сентября 1976 года, областной центр Владимира участники мероприятия сравнивали с Суздалем, демонстрируя разницу в моделях восприятия двух соседних городов. Председатель владимирского Горисполкома Р. К. Магазин отмечал, что «*в наше время это [Владимир] не город чистой старины, допустим, как мы имеем город Суздаль, где вообще-то он является турцентром, является памятником старины и не олицетворяет сегодняшнюю жизнь и лицо сегодняшнего города...*» [РГАЛИ. Ф. 674, оп. 5, ед. хр. 624, л. 8]. Ему вторил владимирский реставратор И. А. Столетов, указывая на то, что «*Владимир — древний город, с богатой историей, с великолепными памятниками зодчества, многие из которых входят в сокровищницу русского национального искусства, но это и современный город с бурно растущими новостройками, заводами, самыми передовыми отраслями промышленности и к реконструкции его исторического ядра не применимы приемы консервации, как например в Суздале*» [там же, л. 10]. Модернизация Суздаля задала модус его архаизации.

Закономерным представляется и то, что в наше время, характеризующееся новой волной интереса к национальному наследию, развитию внутреннего туризма и переосмыслению ценности советской модернистской архитектуры, некоторые памятники советского культурного проекта превращения Суздаля в туристический центр были реставрированы и переосмыслены. В 2019 году завершилась реконструкция интерьеров гостинично-туристского комплекса в Коровниках, осуществленная под руководством Елены Махровой; летом 2022 года в здании проданного ресторана «Погребок», располагавшегося в торговой лавке XIX века, открылся культурный центр — новая часть уже изменившего культурный ландшафт Суздаля проекта МИРА²⁹.

²⁶ Культивация досуговых форм, интерпретирующих национальные традиции, была свойственна, естественно, не только суздальскому комплексу [Коекер, 2022: 264—265].

²⁷ Роль писателя Кима Есенина исполнил Михаил Ульянов, посетивший города «Золотого кольца» в компании Юрия Бычкова [Юрий Бычков: «В древней архитектуре выразились лучшие качества русского народа»: <https://web.archive.org/web/20150501211343/http://portal-kultura.ru/articles/books/46669-yuriy-bychkov-v-drevney-arkhitekture-vyrazilis-luchshie-kachestva-russkogo-naroda/>].

²⁸ Молодая спутница Есенина, Светлана, при въезде в город восклицает: «Ким Алексеевич, красота-то какая! Вот она Русь белокаменная. Это же корни. Вот они — наши корни». Зритель слышит и внутренний монолог писателя на суздальском кладбище, посвященный природе творчества: «Надо же. Какая красота! Как тихо здесь. Какой чистый воздух. Как тут легко дышится. Здесь надо жить и работать. Неспроста этот хитрый казак Шолохов у себя в станице крапает. И ведь и молодые: Белов, Распутин, Вампилов... Молодцы!». 2Идеалом писательского мастерства для Есенина становятся представители деревенской прозы.

²⁹ Реставрация сооружения была осуществлена Gorlenko Studio.

Список источников

- Аксенова А. И. Суздаль. XX век. Из истории города-музея и музея-заповедника. Владимир: Владимирский государственный педагогический университет, 2004. 201 с.
- Аксенова А. И. Суздаль. XX век. Из истории города-музея и музея-заповедника: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2003. 27 с.
- Белкин А. Молодость древнего Суздаля // Советская культура. 1977. № 18. 1 марта. С. 8.
- Белоконь И. Встреча путешественника // Литературная газета. 1966. №7. 15 января. С. 2.
- Белопольский Я. Новостройки у древних стен // Литературная газета. 1975. № 37. 10 сентября. С. 11.
- Беляев В., Ваняшова А. Прикосновение к истории // Правда. 1967. №59. 28 февраля. С. 4.
- Болтунова Е. М., Егорова Г. С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. 400 с.
- Брунцев В. Преодоление. Как создавался главный туристский комплекс в Суздале. СПб.: ООО «Людовик», 2017. 556 с.
- Бычков Ю., Жегис В., Фомин А. Золотое кольцо. По старым русским городам // Советская культура. 1967. № 137. 21 ноября. С. 2.
- Бычков Ю., Леднев В. Новь Суздаля // Советская культура. 1967. № 21. 18 февраля. С. 2.
- Варганов А. Д. Суздаль. М.: «Издательство Академии архитектуры СССР», 1944. 33 с.
- Васильев С. Разговор со Стружанью // Литературная газета. 1961. №66. 3 июня. С. 3.
- Вознесенский А. Суздаль // Литературная газета. 1960. № 46. 16 апреля. С. 4.
- Волков О. Воссоздаваемая поэма // Литературная газета. 1967. № 8. 23 февраля. С. 11.
- Волков О. Снова о Суздале // Литературная газета. 1968. № 15. 10 апреля. С. 10.
- Воронин Н. Н. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польский. М.: Искусство, 1958. 327 с.
- Выборный В. Реставрация впечатлений // Литературная газета. 1967. № 8. 23 февраля. С. 11.
- Герчук Ю. Я. Эффект присутствия. М.: Арт Волхонка, 2016. 414 с.
- Дьяконов В. Н. Общественные холсты и частные искажения: политика СССР и споры о модернизме в художественных событиях оттепели // Оттепель. М.: Государственная Третьяковская галерея, 2017. С. 264—277.
- Знаю, милый. URL: http://www.bobmaystories.com/koxinor/texts/znaju_milyj.htm (Дата обращения: 22.12.22).
- Изучение и охрана памятников старины // Советская культура. 1958. № 89. 26 июля. С. 2.
- Карпенко И. Аврал в музейном зале // Советская культура. 1986. № 89. 26 июля. С. 3.
- Кобзев И. Поездка в Суздаль. URL: <https://rustih.ru/igor-kobzev-poezdka-v-suzdal/> (Дата обращения: 21.12.2022).
- Коенкер Д. СПАСибо партии. Отдых, путешествия и советская мечта. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 454 с.
- Костина О. В. Архитектура московского метро. 1935—1980-е годы. М.: БуксМАрт, 2019. 205 с.
- Левиков А. Реставрация и ресторация. Завещанная командировка // Литературная газета. 1976. №32. 11 августа. С. 13.
- Леонид Павлов / ред.-сост. А. Броницкая; авт. ст. А. Броницкая, Н. Ерофеев, Казакова О., Павлова Л. М.: «Electa Architecture», 2015. 331 с.
- Малапагин У. В логическом колесе // Известия. 1974. № 104. 4 мая. С. 6.
- Николаев В. Память и сервис // Огонек. 1986. № 33. С. 33—35.
- Орлов М. И снова о Суздале!.. // Литературная газета. 1968. № 18. 1 мая. С. 10.
- Орлов М. Мекка русского туризма // Литературная газета. 1967. № 8. 23 февраля. С. 11.
- Орлов М. А., Посохин М. В., Семерджиев Р. И. Проектные предложения и технико-экономические обоснования по созданию туристского центра в городе Суздаль. М.: Центр научно-технической информации по гражданскому строительству и архитектуре, 1967. 47 с.
- Ранинский Ю. В. Суздаль — туристский центр. М.: Стройиздат, 1981. 279 с.
- РГАЛИ. Ф. 2082. Оп. 3. Ед. хр. 793.
- РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Ед. хр. 1166.
- РГАЛИ. Ф. 2465. Оп. 2. Ед. хр. 506.
- РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 4. Ед. хр. 1015.
- РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 5. Ед. хр. 624.

- Россия. URL: <http://bobmaystories.com/koxinor/texts/rossiya-hotel.htm> (Дата обращения: 29.01.2023).
- Рыжов А.* Возрожденный Суздаль // Советская культура. 1977. № 27. 1 апреля. С. 6.
- Савва Ямщиков о работе над фильмом «Андрей Рублев». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nkgf118fZpo> (Дата обращения: 08.12.2022).
- Сайковский А., Терлецкий Е.* Живое наследие // Советская культура. 1974. № 45. 4 июня. С. 6.
- Строки из писем // Известия. 1960. № 162. 8 июля. С. 3.
- Тельтевский П. А.* Суздаль. М.: Советский художник, 1968. 26 с.
- Халаминский Ю.* Охрана памятников старины — всенародное дело // Советская культура. 1958. №87. 22 июля. С. 2.
- Членов А.* Дела заповедные // Советская культура. 1973. № 45. 5 июня. С. 6.
- Членов А.* Репортаж журналиста // Советская культура. 1977. № 23. 18 марта. С. 6.
- Членов А.* Хозяин Красной палаты // Советская культура. 1973. № 47. 12 июня. С. 6.
- Шагов Н.* Памятники истории и культуры с позиций современности // Советская культура. 1975. №8. 24 января. С. 3.
- Шаменкова Л.* Суздаль // Известия. 1980. № 174. 25 июля. С. 3.
- Юрий Бычков: «В древней архитектуре выразились лучшие качества русского народа». URL: <https://web.archive.org/web/20150501211343/http://portal-kultura.ru/articles/books/46669-yuriy-bychkov-v-drevney-arkhitekture-vyrazilis-luchshie-kachestva-russkogo-naroda/> (Дата обращения: 21.12.2022).
- Banham R.* The Embalmed City // *New Statesman*. 1963. Vol. 65. P. 528—530.
- Berberova N.* The Irrational Journey be Pauline de Rothschild // *The Russian Review*. 1968. Vol. 27. № 2. P. 261.
- Gorsuch A. E.* All This is Your World. Soviet Tourism at Home and Abroad after Stalin. N.Y.: Oxford University Press, 2011. 222 p.
- Pattle S.* Forging the Golden Ring: Tourist Development and Heritage Preservation in the Late Soviet Union // *The Slavonic and East European Review*. 2018. Vol. 96. № 2. P. 283—309.
- Rothschild P.* The Irrational Journey. N.Y.: Harcourt, Brace, and World. 1967. 118 p.

References

- Aksenova, A. I. (2003) Suzdal. XX vek. Iz istorii goroda-muzeia I muzeia-zapovednika [Suzdal. XX century. From the History of the Museum City and the Museum Reserve]: Avtoreferat diss... kand. ist. nauk, Vladimir.
- Aksenova, A. I. (2004) Suzdal. XX vek. Iz istorii goroda-muzeia I muzeia-zapovednika [Suzdal. XX century. From the History of the Museum City and the Museum Reserve], Vladimir: Vladimirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
- Banham, R. (1963) The Embalmed City, *New Statesman*, vol. 65, pp. 528—530.
- Berberova, N. (1968) The Irrational Journey be Pauline de Rothschild, *The Russian Review*, vol. 27. № 2, pp. 261.
- Boltunova, E. M., Egorova G. S. (2022) Territoria I istoria: pozdnesovetskie proekty “Goroda-geroi” I “Zolotoe koltso” [Territory and History: The Late-Soviet Projects “The Hero Cities” and “The Golden Ring”], Moscow: Kuchkovo pole.
- Bronovickaia, A. (eds.) (2015) Leonid Pavlov [Leonid Pavlov], Moscow: Electa Architecture.
- Bruntsev V. (2017) Preodolenie. Kak sozdavalsia glavnyj turistskij kompleks v Suzdale [The Overcoming. How Was the Main Tourist Suzdal Complex Created], Saint Petersburg: OOO “Ludovik”.
- D’iakonov, V. N. (2017) Obshhestvennye holsty I chastnye iskazheniia: politika SSSR I spory o modernizme v hudozhestvennyh sobytiiah ottepeli [Public Canvases and Private Distortions: Soviet Politics and the Discussions on Modernism in the Art Events of the Thaw], in: Kurl’iandceva, A. S., Vorotyntseva, Iu. V. (comp.), Ottepel’, Moscow: Gosudarstvennaia Tret’iakovskaia galereia.
- Gerchuk, Iu. Ia. (2016) Ehffekt prisutstviia [The Presence Effect], Moscow: Art-Volkhonka.
- Gorsuch, A. E. (2011) All This is Your World. Soviet Tourism at Home and Abroad after Stalin, N. Y.: Oxford University Press.
- Koenker, D. (2022) SPAsibo partii: otdyh, puteshestviia I sovetskaia mechta [Thanks to the Party: Vacation, Travel and the Soviet Dream], Saint Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika.

- Kostina, O. V. (2019) Arkhitektura moskovskogo metro. 1935—1980-e gody [Moscow's Metro Architecture. 1935—1980's], Moscow: BuksMart.
- Orlov, M. A., Posokhin M. V., Semerdzhiev R. I. (1967) Proektnye predlozheniia i tehniko-ehkonomicheskie obosnovaniia po sozdaniiu turistskogo centra v gorode Suzdal [Project Proposals and Feasibility Studies for the Creation of a Tourist Center in the City of Suzdal], Moscow: Centr nauchno-tekhnicheskoi informacii po grazhdanskomu stroitel'stvu i arkhitekture.
- Pattle, S. (2018) Forging the Golden Ring: Tourist Development and Heritage Preservation in the Late Soviet Union, *The Slavonic and East European Review*, vol. 96. № 2, pp. 283—309.
- Raninskij, Iu. V. (1981) Suzdal — turistskij centr [Suzdal — a Tourist Center], Moscow: Strojizdat.
- Rothschild, P. (1967) *The Irrational Journey*, N.Y.: Harcourt, Brace, and World.
- Tel'tevskij, P. A. (1968) Suzdal [Suzdal], Moscow: Sovetskij khudozhnik.
- Varganov, A. D. (1944) Suzdal [Suzdal], Moscow: Izdatel'stvo Akademii Arkhitektury SSSR.
- Voronin, N. N. (1958) Vladimir. Bogoliubovo. Suzdal. Jur'ev-Polskoj [Vladimir. Bogoliubovo. Suzdal. Jur'ev-Polskoj], Moscow: Iskusstvo.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 19.06.2023; принята к публикации 28.06.2023.

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 19.06.2023; accepted for publication 28.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Романенкова Мария Александровна — магистр. Школы искусств и культурного наследия Европейского университета в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Россия, E-mail: mromanenkova@eu.spb.ru

Romanenkova Maria Alexandrovna — master of Schools of Arts and Cultural Heritage of the European University in St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation, E-mail: mromanenkova@eu.spb.ru

Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 3. С. 53—60.

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2023. No. 3. P. 53—60.

Научная статья

УДК 338.48-44(1-21)

DOI: 10.54347/Lab.2023.3.3

САТКА: МОНОГОРОД МУЛЬТИТУРИЗМА¹

Екатерина Дмитриевна Бугрова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, E-mail: ekaterina.bugrova@urfu.ru

Аннотация. В последние годы особенно актуальным становится внутренний туризм, в связи с чем начинают появляться новые направления, развивающие альтернативные виды туризма. Активно продвигается промышленный туризм, позволяющий привлечь туристов в индустриальные города, в частности, в моногорода. Проблемой промышленных регионов является сложная экологическая обстановка, которая становится одним из элементов негативного имиджа. Тем не менее существуют такие промышленные регионы, которые ассоциируются у туристов в первую очередь с природно-экологическим туризмом, такова, например, Челябинская область. В статье рассматривается один из моногородов Челябинской области — Сатка — в качестве удачного примера планомерного превращения индустриального города в центр не только промышленного, но также экологического и событийного туризма.

Ключевые слова: внутренний туризм, промышленный туризм, экологический туризм, фестивали искусства, Челябинская область, моногород, малый город

Для цитирования: Бугрова Е. Д. Сатка: моногород мультитуризма // *Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 3. С. 53—60.*

Original article

SATKA — THE MONOTOWN OF MULTITOURISM

Ekaterina D. Bugrova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation, E-mail: ekaterina.bugrova@urfu.ru

Abstract. In recent years, domestic tourism has become especially relevant, in connection with which new directions are beginning to appear that develop alternative types of tourism. Industrial tourism is being actively promoted, which makes it possible to attract tourists to industrial cities, in particular, to single-industry towns. The problem of industrial regions is a difficult environmental situation, which becomes one of the elements of a negative image. Nevertheless, there are such industrial regions that tourists associate primarily with natural and ecological tourism, for example, the Chelyabinsk region. The article considers one of the single-industry towns of the Chelyabinsk region — Satka — as a good example of the systematic transformation of an industrial city into a center not only of industrial, but also of ecological and event tourism.

© Бугрова Е. Д., 2023

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00679, <https://rscf.ru/project/22-18-00679/>

Keywords: Russian underground, liturgical art, religious painting, new religious movements, metaphysics of color, philosophy of art

For citation: Bugrova, E. D. (2023) Satka: monogorod mul'titurizma [Satka — the monotown of multitourism], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 3, pp. 53—60.

Внутренний туризм — одно из приоритетных направлений туризма, особенно актуальное для отечественного туристического рынка [Буторов, Каныгина, 2021]. В последние годы объем внутреннего туризма в России стабильно растет — в 2022 году количество поездок с размещением в гостиницах увеличилось на 8 % по сравнению с 2021 годом, около 62 миллионов туристов путешествовали по стране [Решетников...]. Среди трендов внутреннего туризма отмечают планирование поездок на относительно небольшие расстояния и популярность автотуризма, в связи с чем у отправляющихся в путешествие оказывается высоким спрос на отдых в сопредельных регионах [АТОР подвела предварительные итоги...]. При этом нередко выбираются такие направления, где есть возможность получить максимальное количество впечатлений, соответственно, у аудитории наблюдается интерес к комбинированным, максимально насыщенным турам (мультитурам), дающим возможность совместить в одной поездке сразу несколько видов туризма: пляжный, культурно-познавательный, активный, шоппинг-туризм или нишевые виды туризма.

Сегодня для поддержки и развития сферы туризма и гостеприимства разработано несколько важных федеральных программ и проектов: утверждена Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года; реализуется национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», призванный улучшить существующую туристическую инфраструктуру и повысить доступность туристических продуктов; действует государственная программа «Развитие туризма», в рамках которой регионам выделяются средства для поддержки туристических кластеров или различных нишевых туристических продуктов (например, событийный туризм). Все это приводит к тому, что в регионах начинают появляться новые точки притяжения туристов, предлагающие разнообразный отдых. Особенно любопытным здесь кажется пример Челябинской области и, в частности, моногорода Сатка.

Челябинская область: экологический парадокс

На территории Челябинской области находится достаточное количество объектов, традиционно привлекающих туристов. В первую очередь — это национальные парки «Таганай», «Зюраткуль» и «Зигальга», принявшие в 2022 году в общей сложности более 368 тысяч посетителей [Рост турпотока зафиксирован...], а также музей-заповедник «Аркаим», ставший не только самой популярной достопримечательностью региона, но и всего Уральского федерального округа по числу запросов в поисковой системе «Яндекс» за 2020—2021 годы — 24 место в общем списке из 2295 достопримечательностей по всей России [Достопримечательности России].

В 2022 году, по данным Росстата, в Челябинской области побывало 1,7 млн туристов, однако это количество не учитывает тех, кто приезжал в регион самостоятельно и не останавливался в различных средствах размещения. Общий же турпоток в 2022 году власти Челябинской области оценили почти в 4 млн. путешественников, большая часть из которых — жители соседней Свердловской области [Почти четыре миллиона туристов...], для которых Челябинская область рассматривается как направление для безопасного пляжного отдыха и туризма выходного дня. В Свердловской области список водоемов, пригодных для купания, сокращался, и в последние годы на территории региона нет водоемов, соответствующих требованиям санитарного законодательства [Санитарные врачи напоминают...], тогда как в одном только

Челябинске в 2022 году из 18 открывшихся в летний сезон пляжей лишь 3 не соответствовали гигиеническим нормативам [О результатах лабораторных исследований...].

Как уже отмечалось выше, интерес приезжающих в Челябинскую область в основном представляют природные объекты, также и местные жители считают основным преимуществом области именно красивую природу [Поток туристов в Челябинскую область...], поэтому экологический туризм в регионе воспринимается как один из приоритетных. Потенциал области, связанный с этим видом туризма, отмечается и в научных исследованиях [Гарханова, Романов, 2021; Тихомирова, 2021; Богданова, 2022]. Также на VII Восточном экономическом форуме, перечисляя перспективные виды туризма в Челябинской области, губернатор А. Текслер назвал и экотуризм, подчеркнув при этом необходимость создания современной туристической инфраструктуры [Челябинская область может стать примером...], а в ходе круглого стола «10 лет после падения метеорита: туристический бренд Южного Урала», организованного по инициативе издания «Коммерсантъ — Южный Урал» в феврале 2023 года, Генеральный директор АНО «Центр проектного развития территорий и туризма Челябинской области» М. Мельников обозначил экологический туризм как сильную сторону региона и указал на важность развития и продвижения этого вида туризма в области [Круглый стол...].

При этом другим приоритетным видом туризма для Челябинской области является промышленный туризм. Здесь регион занимает лидирующие позиции: доступные для туристов производства области приняли в 2022 году рекордное для себя количество посетителей — 56 тыс., уступая по этому показателю лишь предприятиям Пермского края (более 60 тыс. посетителей) и Нижегородской области (почти 79 тыс.). А Магнитогорский металлургический комбинат стал самым популярным у туристов металлургическим предприятием — здесь с экскурсиями побывали 11,5 тыс. человек [АСИ: городская экономика и туризм]. Такая ситуация могла сложиться только в развитом индустриальном регионе — и здесь нельзя не заострить внимание на проблеме экологии, характерной для промышленных территорий.

Челябинская область на протяжении многих лет занимает самые низкие позиции в экологическом рейтинге организации «Зеленый патруль» (места 80—84 из оцененных 85 субъектов) [Национальный экологический рейтинг]. Челябинск и Магнитогорск вошли в список российских городов с самым грязным воздухом [Названы города России...], на сегодня включены в федеральную программу «Чистый воздух» национального проекта «Экология» и с 2019 года являются, наряду с еще 10 городами, площадкой для эксперимента по квотированию выбросов, итогом которого должно стать двукратное снижение уровня загрязнения воздуха к 2030 году [Федеральный проект...]. А город Карабаш еще в 1996 году был признан Минприроды зоной экологического бедствия [Об утверждении заключения...] и долгие годы обладал репутацией «самого грязного города в мире». В настоящее время в Карабаше «Русской медной компанией» активно проводится масштабная рекультивация — это самый крупный частный проект рекультивации в России. На ликвидацию накопленного вреда экологии РМК выделила 2 млрд. рублей [На Южном Урале...].

Таким образом, можно отметить своего рода парадокс Челябинской области, связанный с выраженным интересом туристов к экологическому туризму на территории региона со сложной экологической ситуацией.

Сатка — эко, пром и арт

Моногород Сатка на юге Челябинской области представляет собой один из важных центров экологического и промышленного туризма. Также Саткинский район популярен у любителей активного отдыха и семейных поездок. Кроме того, Сатка интересна и поклонникам как классического, так и современного искусства. Соответственно, этот южноуральский моногород способен генерировать разнообразный туристический

продукт для самой широкой аудитории. Известный российский дизайнер и блогер А. Лебедев отметил огромный туристический потенциал города и охарактеризовал Сатку следующим образом: «один из самых интересных, насыщенных небанальными деталями, удивительный город в России» [Сатка].

И действительно, в Сатке удивительным образом соседствуют друг с другом самые неожиданные туристические аттракции.

Важнейшую роль в развитии города в целом и туризма в частности играет градообразующее предприятие — комбинат «Магнезит», являющийся основной производственной площадкой группы «Магнезит». Компанией в 2013 году был создан фонд поддержки и сохранения культурных инициатив «Собрание». При участии фонда активно развивается сотрудничество моногорода с различными культурными и образовательными институтами, например, с такими музеями, как Государственный Русский музей и «Мультимедиа Арт Музей, Москва», с Российским историческим обществом и университетами — НИУ ВШЭ, ГИТИСом и др. Отделением культурологии и Лабораторией исследований культуры НИУ ВШЭ в 2013 году была разработана Стратегия социокультурного развития Саткинского муниципального района, в которой особое внимание уделяется туризму и культурным индустриям в Сатке.

В моногороде также проводятся различные фестивали — архитектурный фестиваль «Моя Сатка», фестиваль уличного искусства «Satka Street Art Fest», призванные преобразовать и переосмыслить городское пространство, сделать его комфортным. Организаторами активно вовлекается локальное сообщество, проекты создаются с учетом запросов местного населения. Наследие этих фестивалей стало неотъемлемой частью визуального кода Сатки.

Также Сатка является постоянной площадкой Фестиваля актуального научного кино (ФАНК) и Уральской индустриальной биеннале современного искусства — именно здесь была представлена масштабная инсталляция «Сад камней» В. Кононова-Гредина, состоящая из 250 зеркал, установленных на уступах и стенах Березовского карьера, ставшая самым крупным объектом за всю историю биеннале [«Сад камней»...]. Кроме современного искусства, в Сатке должное внимание уделяется и классическому искусству: например, проводится фестиваль классической музыки имени Е. В. Образцовой «Кармен», он призван сделать доступным для жителей малых городов большое искусство. Отметим, что в Сатке находятся сертифицированные музеем Родена как точные репродукции работ скульптуры «Мыслитель» и «Тень» (оригиналы второго литья). Сочетание искусства разных эпох также выгодно отличает Сатку от многих других моногородов, взявшихся за изменение своего социокультурного образа.

Создаются креативные и арт-пространства: «Ангар 18» — это превратившийся в multifunctionalную платформу для творчества и общения бывший цех по ремонту «БелАЗов»; «Арт-Сатка» — площадка для культурного и интеллектуального досуга для местного населения и туристов. Также внимание туристов привлекают корпоративный музей компании «Группа Магнезит» и дворец культуры «Магнезит», сохранивший оригинальную планировку. Разумеется, и само градообразующее предприятие становится объектом туризма — доступна уникальная экскурсия на производство «Тайны и открытия “Русского Магнезита”», позволяющая посетить единственное в России производство магнезиальных огнеупоров премиальной линейки. В 2022 году музей «Магнезит» и Саткинскую производственную площадку «Группы Магнезит» посетило более 9 тыс. человек [Втрое увеличить турпоток...].

Центром семейного и развлекательного отдыха в Сатке является комплекс «Сонькина лагуна», в который входят аквапарк и остров «Дупло орла».

Важно, что развитие туристического потенциала касается не только территории моногорода, но и всего района. На официальном туристическом сайте Сатки можно найти большое количество экомаршрутов и экскурсий по территории национального парка «Зюраткуль», принявшего в 2022 году более 120 тыс. туристов

[Рост турпотока зафиксирован...], сплавы по реке Ай — для удобства туристов в поселке Межевом рядом с Саткой будет построен современный визит-центр [Для туристов...]. Также туристам предлагается экскурсия в природно-исторический комплекс «Пороги», где можно увидеть одну из старейших гидроэлектростанций России (была введена в эксплуатацию в 1910 году) и уникальную плотину из натурального камня. В 2022 году проект реконструкции ГЭС «Пороги» стал победителем грантового конкурса «Индустриальный эксперимент» благотворительного фонда Потанина [Фонд Потанина...].

Таким образом, в Саткинском районе реализуется комплексный подход к развитию туризма — в превращении малого города Сатки в крупный туристический центр заинтересованы и градообразующее предприятие, и власти — города, района и области.

Случай Сатки демонстрирует, как при грамотном подходе, налаженной коммуникации между муниципальной и региональной властями, градообразующим предприятием и локальным сообществом моногород становится точкой притяжения туристов из разных регионов. Сегодня Сатка выгодно отличается от многих других монопрофильных городов и является не только промышленным центром, но и центром культурным. Сатка обладает узнаваемым визуальным образом благодаря и внедренному дизайн-коду общественных пространств, и наследию мероприятий, проведенных и принятых городом. Кроме того, в Саткинском районе находятся уникальные объекты — культурно-исторические (гидроэлектростанция «Пороги»), природные (национальный парк «Зюраткуль» и геоглиф «Лось», Кургазакская пещера, Большие и Малые Айские притесы). Выделяет Сатку и исключительная связь природного и индустриального: «Пороги» представляют собой природно-исторический объект и памятник индустриального зодчества, а озеро Зюраткуль, на современный облик которого в значительной мере повлияло строительство заводской плотины, можно рассматривать как «в большей степени памятник индустриальной культуры, а не памятник природы» [Стратегия социокультурного развития...: с. 26].

Таким образом, Сатка становится примером того, как внешне взаимоисключающие явления превращаются во взаимодополняющие, что делает город и его окрестности особенно притягательными для туристов, которые могут получить там самые разнообразные впечатления и эмоции.

Сатка — город, разрушающий стереотипы о депрессивных моногородах, образец успешной реализации социокультурных проектов, благодаря которым моногород оказывается привлекательным и для проживания, и для посещения, несмотря на свою удаленность от мегаполисов, таких, как Челябинск и Екатеринбург.

Список источников

- АТОР подвела предварительные итоги туристического 2022 года. URL: <https://www.atorus.ru/node/50839> (дата обращения: 25.05.2023).
- Богданова О.В. Организация управления особо охраняемыми природными территориями на примере Челябинской области // International agricultural journal. 2022. № 5. С. 178—190. DOI: 10.55186/25876740_2022_6_5_11.
- Буторов С. А., Каныгина О. М. Внутренний туризм в России: современное состояние и перспективы // Сервис plus. 2021. Т. 15. № 4. С. 12—19. DOI: 10.24412/2413-693X-2021-4-12-19.
- Втрое увеличить турпоток на предприятия к 2025 году планируют в Челябинской области. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/97736/> (дата обращения: 25.05.2023).
- Для туристов, отдыхающих на реке Ай, построят визит-центр. URL: <https://obzor174.ru/dlya-turistov-otdyhayushchih-na-reke-ay-postroyat-vizit-centr> (дата обращения: 27.05.2023).
- Достопримечательности России. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2022/attractions> (дата обращения: 25.05.2023).

- На Южном Урале стартовал крупнейший частный проект рекультивации загрязненных земель. URL: <https://rg.ru/2021/06/30/na-iuzhnom-urale-startoval-krupnejshij-chastnyj-proekt-rekultivacii-zagriaznennyh-zemel.html> (дата обращения: 25.05.2023).
- Круглый стол «10 лет после падения метеорита: туристический бренд Южного Урала». URL: <https://events.kommersant.ru/chel/events/kruglyj-stol-10-let-posle-padeniya-meteorita-turisticheskij-brend-yuzhnogo-urala/> (дата обращения: 25.05.2023).
- Максим Решетников: туристический поток по России в 2022 году вырос на 8%. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_turisticheskij_potok_po_rossii_v_2022_godu_vyros_na_8.html (дата обращения: 25.05.2023).
- Названы города России с наиболее загрязненным воздухом. URL: https://www.lenta.ru/news/2021/12/23/polluted_air/ (дата обращения: 25.05.2023).
- Национальный экологический рейтинг. URL: <https://www.зеленыйпатруль.пф/stranica-dlya-obshchego-reytinga> (дата обращения: 25.05.2023).
- О результатах лабораторных исследований воды водных объектов, используемых в рекреационных целях на территории г. Челябинска. URL: <https://clck.ru/34aZ7v> (дата обращения: 25.05.2023).
- Об утверждении заключения экспертной комиссии по материалам оценки степени экологического неблагополучия окружающей среды и состояния здоровья населения и проекта Федеральной целевой программы первоочередных неотложных мер на 1996—2000 годы по выводу территории г. Карабаша из состояния экологического бедствия и оздоровлению населения: приказ Министра охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации от 25 июня 1996 г. № 299. URL: <https://www.docs.cntd.ru/document/9035640> (дата обращения: 25.05.2023).
- «Поток туристов в Челябинскую область — это хорошо, но мы пока не можем его перевернуть». URL: <https://chel.dk.ru/news/237180622> (дата обращения: 25.05.2023).
- Почти четыре миллиона туристов посетили Челябинскую область в 2022 году. URL: <https://ria.ru/20221201/turisty-1835594099.html> (дата обращения: 25.05.2023).
- ПРОМТУРИЗМ. Итоги года в регионах—наставниках акселератора АСИ по промтуризму 2022—23. URL: https://dzen.ru/a/Y8_7XRXkeUF8O_20 (дата обращения: 25.05.2023).
- Рост турпотока зафиксирован во всех нацпарках Челябинской области в 2022 году. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/95003/> (дата обращения: 25.05.2023).
- «Сад камней» Василия Кононова-Гредина. URL: <https://uralbiennial.ru/calendar/event11-stone-garden-by-vassily-kononov-gredin> (дата обращения: 25.05.2023).
- Санитарные врачи напоминают свердловчанам об отсутствии безопасных водоемов для купания в регионе. URL: <https://clck.ru/34aYxh> (дата обращения: 25.05.2023).
- Сатка. URL: <https://www.tema.ru/travel/satka/> (дата обращения: 25.05.2023).
- Стратегия социокультурного развития Саткинского муниципального района. URL: http://fundsobranie.ru/files/Strategy_Book.pdf (дата обращения: 25.05.2023).
- Тарханова Н. П., Романов В. А. Экологический туризм на Урале: стратегия развития // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27. № 10. С. 114—122. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-10-114-122.
- Тихомирова А. В. Экологический туризм на особо охраняемых природных территориях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2021. Т. 21. № 2. С. 109—114. DOI: 10.14529/law210216.
- Федеральный проект «Чистый воздух». URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/federalnyu-proekt-chistyy-vozdukh (дата обращения: 25.05.2023).
- Фонд Потанина определил победителей «Индустриального эксперимента». URL: <https://fondpotanin.ru/press/news/fond-potanina-opredelil-pobediteley-industrialnogo-eksperimenta/> (дата обращения: 25.05.2023).
- Челябинская область может стать примером для развития экотуризма в стране. URL: <https://gubernia74.ru/articles/society/1112517/> (дата обращения: 25.05.2023).

References

- ATOR *podvela predvaritel'nye itogi turisticheskogo 2022 goda* [ATOR summed up the preliminary results of the tourist year 2022], available from <https://www.atorus.ru/node/50839> (accessed: 25.05.2023).
- Bogdanova, O. V. (2022) Organizatsiya upravleniya osobo okhranyaemymi prirodnyimi territoriyami na primere Chelyabinskoi oblasti [Organization of the management of specially

- protected natural areas on the example of the Chelyabinsk region], *International agricultural journal*, no. 5, pp. 178—190. DOI: 10.55186/25876740_2022_6_5_11.
- Butorov, S. A., Kanygina, O. M. (2021) Vnutrennii turizm v Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Domestic tourism in Russia: modern status and prospects], *Service plus*, no. 15(4), pp. 12—19. DOI: 10.24412/2413-693X-2021-4-12-19.
- Chelyabinskaya oblast' mozhet stat' primerom dlya razvitiya ekoturizma v strane* [The Chelyabinsk region can become an example for the development of ecotourism in the country], available from <https://gubernia74.ru/articles/society/1112517/> (accessed 25.05.2023).
- Dlya turistov, otdykhayushchikh na reke Ai, postroyat vizit-tsentr* [A visitor center will be built for tourists vacationing on the Ai River], available from <https://obzor174.ru/dlya-turistov-otdykhayushchih-na-reke-ay-postroyat-vizit-centr> (accessed 27.05.2023).
- Dostoprimechatel'nosti Rossii* [Sights of Russia], available from <https://yandex.ru/company/researches/2022/attractions#> (accessed 25.05.2023).
- Federal'nyi proekt «Chistyiy vozdukh»* [Federal project «Clean Air»], available from https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/federalnyy-proekt-chistyiy-vozdukh (accessed 25.05.2023).
- Fond Potanina opredelil pobeditelei «Industrial'nogo eksperimenta»* [The Potanin Foundation determined the winners of the «Industrial Experiment»], available from <https://fondpotanin.ru/press/news/fond-potanina-opredelil-pobediteley-industrialnogo-eksperimenta/> (accessed 25.05.2023).
- Kruglyi stol «10 let posle padeniya meteorita: turisticheskii brend Yuzhnogo Urala»* [Round table «10 years after the fall of the meteorite: the tourist brand of the Southern Urals»], available from <https://events.kommersant.ru/chel/events/kruglyj-stol-10-let-posle-padeniya-meteorita-turisticheskij-brend-yuzhnogo-urala/> (accessed 25.05.2023).
- Maksim Reshetnikov: turisticheskii potok po Rossii v 2022 godu vyros na 8%* [Maxim Reshetnikov: tourist flow in Russia grew by 8% in 2022], available from https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_turisticheskij_potok_po_rossii_v_2022_godu_vyros_na_8.html (accessed 25.05.2023).
- Na Yuzhnom Urale startoval krupneishii chastnyi proekt rekul'tivatsii zagryaznennykh zemel'* [The largest private project for the reclamation of polluted lands has started in the South Urals], available from <https://rg.ru/2021/06/30/na-iuzhnom-urale-startoval-krupnejshij-chastnyj-proekt-rekultivacii-zagryaznennykh-zemel.html> (accessed 25.05.2023).
- Natsional'nyi ekologicheskii reiting* [National environmental rating], available from <https://www.зеленыйпатруль.рф/stranica-dlya-obshchego-reytinga> (accessed 25.05.2023).
- Nazvany goroda Rossii s naibolee zagryaznennym vozdukhom* [The cities of Russia with the most polluted air were named], available from https://www.lenta.ru/news/2021/12/23/polluted_air (accessed 25.05.2023).
- O rezul'tatakh laboratornykh issledovaniy vody vodnykh ob'ektov, ispol'zuemykh v rekreatsionnykh tselyakh na territorii g. Chelyabinska* [On the results of laboratory studies of water in water bodies used for recreational purposes in the city of Chelyabinsk], available from <https://clck.ru/34aZ7v> (accessed 25.05.2023).
- Ob utverzhdenii zaklyucheniya ekspertnoi komissii po materialam otsenki stepeni ekologicheskogo neblagopoluchiya okruzhayushchei sredy i sostoyaniya zdorov'ya naseleniya i proekta Federal'noi tselevoi programmy pervoocherednykh neotlozhnykh mer na 1996—2000 gody po vyvodu territorii g. Karabasha iz sostoyanie ekologicheskogo bedstviya i ozdorovleniyu naseleniya: prikaz Ministra okhrany okruzhayushchei sredy i prirodnykh resursov Rossiiskoi Federatsii ot 25 iyunya 1996 g. no. 299* [On approval of the conclusion of the expert commission on the assessment of the degree of ecological distress of the environment and the state of public health and the draft Federal Target Program of Priority Urgent Measures for 1996—2000 to remove the territory of the city of Karabash from the state of ecological disaster and improve the health of the population: order of the Minister of Environmental Protection and natural resources of the Russian Federation dated June 25, 1996 no. 299], available from <https://www.docs.cntd.ru/document/9035640> (accessed 25.05.2023).
- Pochti chetyre milliona turistov posetili Chelyabinskuyu oblast' v 2022 godu* [Almost four million tourists visited the Chelyabinsk region in 2022], available from <https://ria.ru/20221201/turisty-1835594099.html> (accessed 25.05.2023).

- «Potok turistov v Chelyabinskuyu oblast' — eto khorosho, no my poka ne mozhem ego perevarit'» [«The flow of tourists to the Chelyabinsk region is good, but we still cannot digest it»], available from <https://chel.dk.ru/news/237180622#> (accessed 25.05.2023).
- PROMTURIZM. *Itogi goda v regionakh — nastavnikakh akseleatora ASI po promturizmu 2022—23* [INDUSTRIAL TOURISM. Results of the year in the regions — mentors of the ASI accelerator for industrial tourism 2022—23], available from https://dzen.ru/a/Y8_7XRXkeUF8O_20 (accessed 25.05.2023).
- Rost turpotoka zafiksirovan vo vseh natsparkakh Chelyabinskoi oblasti v 2022 godu [The growth of the tourist flow was recorded in all national parks of the Chelyabinsk region in 2022], available from <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/95003/> (accessed 25.05.2023).
- «Sad kamnei» Vasiliya Kononova-Gredina [«Stone Garden» by Vasily Kononov-Gredin], available from <https://uralbiennial.ru/calendar/event11-stone-garden-by-vassily-kononov-gredin> (accessed 25.05.2023).
- Sanitarnye vrachi napominayut sverdlovchanam ob otsutstvii bezopasnykh vodoemov dlya kupaniya v regione [Sanitary doctors remind Sverdlovsk residents of the lack of safe swimming pools in the region], available from <https://clck.ru/34aYxh> (accessed 25.05.2023).
- Satka [Satka city], available from <https://www.tema.ru/travel/satka/> (accessed 25.05.2023).
- Strategiya sotsiokul'turnogo razvitiya Satkinskogo munitsipal'nogo raiona [Strategy for socio-cultural development of the Satka municipal district], available from http://fund-sobranie.ru/files/Strategy_Book.pdf (accessed 25.05.2023).
- Tarkhanova, N., Romano, V. (2021) Ekologicheskii turizm na Urale: strategiya razvitiya [Ecological tourism in the Urals: development strategy], *Transbaikal State University Journal*, vol. 27, no. 10, pp. 114—122. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-10-114-122.
- Tikhomirova, A. V. (2021) Ekologicheskii turizm na osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh [Ecological tourism in specially protected natural territories], *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, vol. 21, no. 2, pp. 109—114. DOI: 10.14529/law210216.
- Vtroe uvelichit' turpotok na predpriyatiya k 2025 godu planiruyut v Chelyabinskoi oblasti [By 2025, plans to triple the tourist flow to enterprises in the Chelyabinsk region], available from <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/97736/> (accessed 25.05.2023).

Статья поступила в редакцию 06.06.2023; одобрена после рецензирования 19.06.2023; принята к публикации 28.06.2023.

The article was submitted 06.06.2023; approved after reviewing 19.06.2023; accepted for publication 28.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Екатерина Дмитриевна Бугрова — старший преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма департамента «Исторический факультет», Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, E-mail: ekaterina.bugrova@urfu.ru

Ekaterina Dmitrievna Bugrova — Senior Lecturer of the Department of Socio-Cultural Service and Tourism of the Department of History, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, E-mail: ekaterina.bugrova@urfu.ru

Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 3. С. 61—67.

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2023. No. 3. P. 61—67.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"1992/..."

DOI: 10.54347/Lab.2023.3.4

МЕСТНАЯ ГАЛЕРЕЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ: ОБ ОДНОМ РАССКАЗЕ АННЫ МАТВЕЕВОЙ

Александр Викторович Марков

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, E-mail: markovius@gmail.com

Аннотация. Художественные галереи или художественные отделы краеведческих музеев малого города являются необходимым элементом туризма в этом городе, но при этом часто не специфицируются самими туристами. Так как они не являются обычно предметом кураторства, но только традиционной музеефикации выявленного и не до конца атрибутированного наследия, рассказывание историй об этих галереях чаще всего ограничено бытовыми обстоятельствами развития искусств в связи с историей этого города. В современной русской литературе есть ряд попыток преодолеть такое отношение к традиционным институтам культуры с целью развернуть стратегии мистифицирующего романа с действием разных уровней бытия. Но местная галерея как туристический объект требует осмысления и как место напряженных социальных контактов искусствоведов и одновременно как место вскрытия мотивов творческих решений художников на лабораторных примерах уникальных экспонатов. В качестве примера выбран рассказ А. Матвеевой «Местонахождение известно», соединяющий детективную фабулу, трактат о правилах художественной атрибуции и сюжет фрустрации героев чеховского типа. Анализ литературного расследования Матвеевой о художнике Крамском, прототипе художника из ее рассказа, позволил реконструировать программу развития туризма в малом городе, которая подразумевается в рассказе. Она включает в себя копирование некоторых инфраструктурных элементов больших городов, соединение формальных и неформальных связей между любителями искусства, замену традиционных экскурсий мастер-классами. Сопоставление двух произведений современной писательницы тем самым имеет и практическое значение для развития туризма в малых городах России.

Ключевые слова: современная русская проза, малый город, детектив о художнике, русский рассказ, атрибуция, туризм, музейно-галерейная деятельность, музеология

Для цитирования: Марков А.В. Местная галерея в современной русской прозе: об одном рассказе Анны Матвеевой // *Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 3. С. 61—67.*

Original article

THE LOCAL GALLERY IN CONTEMPORARY RUSSIAN PROSE: ON ONE STORY BY ANNA MATVEYEVA

Alexander V. Markov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
E-mail: markovius@gmail.com

Annotation. Art galleries or art departments of local history museums of a town are a necessary element of tourism in this town, but they are often not specified by the visitors themselves. As they are not normally the subject of curatorship, but only the traditional museology of identified and not yet fully attributed heritage, the storytelling about these galleries is most often limited to the everyday circumstances of art development in reference to the history of that city. In contemporary Russian literature there are a number of attempts to overcome this attitude to traditional cultural institutions, in order to deploy strategies of mystifying romance with the operation of different levels of being. But the local gallery as a tourist site needs to be understood as a place of intense social contacts between art historians and simultaneously to uncover the motives of artists' artistic choices through the laboratory examples of unique exhibits. As an example, we chose A. Matveyeva's story *The Location is Known*, which combines a detective scenario, a treatise on the rules of attribution of paintings and a Chekhov-type plot of frustration of heroes. An analysis of Matveyeva's literary investigation of the artist Kramskoi, the prototype artist in her story, allowed us to reconstruct the small-town tourism development program implied in the story. It includes copying some infrastructural elements of big cities, connecting formal and informal connections between art enthusiasts, replacing traditional excursions with master classes. Comparison of the two works of the contemporary writer thereby also has practical value for the development of tourism in Russia's small towns.

Keywords: contemporary Russian prose, minor town, artist's detective story, Russian storytelling, attribution, tourism, museum and gallery activities, museology

For citation: Markov, A. V. (2023) Mestnaia galereia v sovremennoi russkoi proze: ob odnom rasskaze anny matveevoi [The local gallery in contemporary russian prose: on one story by anna matveyeva], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 3, pp 61—67.

Литературу обычно привлекают центральные музеи, которые включают в себя и известную историю их институционального становления, и схему передвижения. Разрыв между очевидностью институционального построения этих музеев и возможными тайнами, которые могут приоткрыть другие уровни бытия, и формируют мистико-конспирологическое повествование, образцом которого можно признать произведение Дэна Брауна. Беллетристика Брауна, с умеренной конспирологией и при этом напряженным детективным сюжетом, привела к всплеску новой актуализации музеев: посетители Лувра, захваченные сюжетами Брауна, хотели увидеть разгадку тайн прямо здесь и сейчас. Конечно, в последние 15 лет сюжеты тайн и заговоров сместились из области искусства в область высоких технологий, и в этом смысле успех Дэна Брауна никто из массовых писателей не повторил. Можно говорить о дрейфе массовой культуры от поиска неписанного варианта христианства к неканоническому прочтению библейской метафизики и космологии, как в нынешних сериалах, процессуале «Люцифер» Тома Капиноса и офисной комедии «Чудотворцы» Саймона Рича, — так что соотношение возможных миров и уровней трансцендентального бытия уже не регулируется каким-то одним артефактом, но только системой неожиданных фабул и психологических презумпций.

При этом тактически продуманная конспирология, в которой культурные артефакты оказываются частью открытия новых миров, вызвала и множество подражаний и пародий, в том числе амбициозных — например, роман «Библиотекарь» М. Елизарова (2007, в настоящее время снят сериал по нему) можно отнести к этой

же традиции, но переосмысленной исходя из модернистского пафоса с применением отдельных постмодернистских приемов. Если представить артефакты как источники не только метафизических решений, но и бытового поведения и реорганизации повседневности, но при этом в рамках бытовых реакций на происходящее, то у нас вполне получится роман Елизарова. Но опять же эта традиция не стала магистральной в современной русской литературе, гораздо сильнее оказалась традиция метаромана, работающего с памятью, в котором «роман о художнике» (Künstlerroman) и мokyюментари (художественная имитация документализма) оказываются лишь частями большого повествования. Образцом такого романа следует признать «Венерин волос» М. Шишкина (2005), где как раз история артистки оказывается способом установить границы возможных миров, создаваемых литературой или подразумеваемых ей, включая мир христианской метафизики спасения. В этих координатах нам нужно располагать и ряд высказываний о художниках в современной русской прозе.

Анна Александровна Матвеева — писательница условной «уральской школы» [Кульгавчук, 2016: 127—128], к которой можно отнести Алексея Иванова, Алексея Сальникова, Николая Коляду. У всех этих писателей есть ряд общих свойств: ироническое описание повседневности Екатеринбурга, Перми и соседних городов, наличие героев архаического типа ведунов, соединяющих миры, которыми часто выступают матери-одиночки, проблематизация «литературности» и различных штампов, которые и позволяют резко иронично говорить о бытовых ситуациях и тем самым встраивать стандартные для бытовой прозы фабульные моменты в неожиданное сюжетное развитие. В прозе Матвеевой свойства такой уральской школы в каком-то смысле тематизируются: так, в ее художественном расследовании «Перевал Дятлова» (2000) субъектом расследования выведена как раз такая ведунья, одинокая женщина-журналистка, а в романе «Завидное чувство Веры Стениной» (2015) матери-одиночке приписывается способность к синэстетическому видению искусства, которая подчиняет себе и ее память, и ее разрушительную страсть, что и позволяет сопоставлять намеки, которыми изобилуют известные картины, с обстоятельствами жизни как главной героини, так и ее соперницы. Искусство в произведениях Матвеевой служит тем же, чем в произведениях Сальникова — измененные состояния: способом пережить тяжелые обстоятельства прошлого, при этом найти новые фабульные решения, которые создадут не только кульминацию, но и развязку повествования, не поручая развязку давно устаревшей логике характеров. Впрочем, героини Матвеевой могут разгадывать свою жизнь не только через картины, но и, например, через вино(питие) [Садовникова, 2011].

Новая книга Матвеевой «Армастан. Я тебя тоже» — собрание новелл и коротких рассказов. Открывается она иронической бытописательной повестью «Отрадное», о покупке медицинской исследовательницей квартиры в Москве, а продолжается рядом новелл и коротких рассказов о различных обстоятельствах постковидного времени. В рассказе «Красавица» появляется воспитанный опять же матерью-одиночкой знаток рам, предпочитающий мысленное коллекционирование рам знанию картин, а в завершающем рассказе «Ibid.» реконструируется связь жизненных перипетий и исследовательского метода И. С. Немиловой в связи с ее итоговой книгой [Немилова, 1989]. В ней Немилова как раз рассматривает случаи «исчезновения» картин, в смысле неправильной атрибуции, из-за чего картина, обозначенная в музейном каталоге, не может быть найдена — она могла не покинуть стен музея, но при этом она исчезла. «Забвение автора и новое наименование словно одевают картину в шапку-невидимку» [там же: 332]. В рассказе [Матвеева, 2023а: 241—242] писательница приводит цитату из работы Немиловой [Немилова, 1989: 105], где исследовательница объясняет, почему часто портрет оказывается портретом неизвестного. В частности, в этой цитате есть такие слова: «Забвение же человека и его наружности в тех случаях, когда между его жизнью и жизнью его исследователя лежит век, два, а то и больше, является процессом почти необратимым. Необратимость этого

процесса обуславливается тем, что человеческие умы не в состоянии долго хранить в себе в неприкосновенной ясности чей-нибудь образ».

Но в следующем абзаце Немилова пишет: «Далее распад представления пойдет еще быстрее: лишаясь своего характера, человек скоро утерять и ряд фактов своей биографии, зато большое значение приобретут другие, может быть, случайные. Постепенно от человека остается только весьма обобщенная схема, а поскольку она в большинстве случаев, если мы только не имеем дело с какой-нибудь выдающейся личностью, никому не нужна, ее откинут, и человек будет забыт окончательно» [там же]. Приводить эту цитату в художественной прозе было бы неосмотрительно: всё же литература исходит из того, что никто не бывает до конца забыт, всё равно остается в памяти какой-то приметой. Но именно продолжение цитаты из Немиловой оказывается «отброшенным ключом» [Гаспаров, 1997] к рассказу «Местонахождение известно» [Матвеева, 2023а: 147—180]

Действие этого рассказа происходит в небольшом городе, обладающим весьма ценным музейным собранием. Сотрудник музея Ким Борисович, которому приходится постоянно отрываться от исследовательской работы, чтобы водить экскурсии, влюблен в художника «К.», которому посвятил свою малотиражную монографию, получившую при этом признание специалистов по истории русского искусства и реставрации по всей стране. Он хорошо знает искусство передвижников и, признавая вкус за другими направлениями, говорит как раз об уникальности портретов «К.», том, что они сопротивляются, в отличие от русского авангарда, техническому воспроизведению, подключению станкового искусства к производственным приемам. Ему даже приходится спорить с сотрудниками своего музейного учреждения, отдающими предпочтение бренду русского авангарда.

Город Т. вполне условен, вероятно, он находится в Пермской, а не Свердловской области; учитывая, что когда директор предлагает Киму перейти к изучению русского авангарда, он раскрывает планы по проведению через год выставки авангарда, на которую «из Перми привезем», а «у Екатеринбурга попросим» [Матвеева, 2023а: 149]. В картинную галерею неожиданно поступает коллекция госпожи Левензон, состоящая из опознаваемых мастеров русского авангарда и требующая как раз той годовой реставрации. Но среди картин этой коллекции есть реалистический женский портрет, напоминающий творчество К., но Ким Борисович не может атрибутировать его, не имея достаточных документальных свидетельств об утраченном портрете «госпожи В.» Его выручает любительница искусства Лидия, указывая на особое отношение художника к рано умершему другу — Ким замечает сходство портрета госпожи В. работы К. с портретом его друга его же кисти, и тем самым картина атрибутируется верно.

Фабулу, конечно, мы изложили не полностью, учитывая, что главная цель рассказа — изобразить не детективную коллизию, а фрустрацию героев, наподобие чеховских фрустраций, сложную систему взаимного непонимания, где вдруг опознанная деталь работает на понимание если не между героями, то между несколькими героями и читателем. Такой деталью и оказывается портрет, и чтобы разобраться в том, как Матвеева строит рассказ, нужно учесть прототип художника К.

Это, конечно, И. Н. Крамской, которому Матвеева посвятила отдельный очерк-исследование [Матвеева, 2023б]. В этом очерке «Неизвестная» Крамского истолковывается с помощью аргументов, которые можно назвать беллетристическими, то есть обращенными к эмоциям читателей романов. Во-первых, сам Крамской женой спас женщину с потерянной репутацией [там же: 128], тем самым как бы восстановил красоту; там, где репутация и имя были повреждены настолько, что были бы преданы забвению, он это имя спас и сделал Софью Николаевну главной своей помощницей. В рассказе жена К. переименована в Лидию [Матвеева, 2023а: 157], и с ней в чем-то отождествляет себя любительница искусства, носящее то же имя. Для Кима имя Лидия — анахронизм, впрочем, он не любитель современности, он ничего не одобряет в одежде и поведении молодежи, в том числе молодых

музейных коллег. Тем самым он как бы оказывается в мире спасаемых лиц, спасаемой жены художника, спасаемых от забвения имен и находит правильное имя для изображенной на портрете. На первом беллетристическом уровне главный герой вовлечен в общее спасение имен от забвения.

Далее, Крамской создал канон делового портрета [Матвеева, 2023б: 135], порвавшего с прежним канон парадного портрета — бедность и опыт ретушера фотографий прошли для Крамского не зря. Поэтому «Неизвестная» должна быть вписана в этот канон портрета деловых людей, и независимо от того, видим ли мы в нем даму полусвета или обобщенный образ новой успешной женщины, портрет принадлежит эпохе буржуазности — Матвеева большую часть очерка-расследования посвящает тому, что в этом портрете не могло быть намеков ни на придворных, ни на аристократок, ни на членов семьи — не только потому что это было бы дерзостью, но потому что публика тогда сразу бы, не имея возможности назвать имя «Неизвестной», ее бы забыла. А так этот портрет запомнился как символ Третьяковской Галереи, как наиболее известное в ней, как образец буржуазного психологического портрета. А также как образец нового социального дизайна самого проекта П. М. Третьякова — сохранения национальной памяти уже буржуазного общества через объединение художников и любителей художеств [Пынина, Савастенко, 2016: 238] (и эта утопия и сбылась в рассказе Матвеевой!).

В рассказе «Местонахождение известно» как раз Ким не знает имени «Вогау», он знает только инициал «В.» (и иронически называет ее «Госпожа Венера»)[Матвеева, 2023а: 155], в том числе с явным намеком на Венер М. Ф. Ларионова, мужа Н. С. Гончаровой, творчеством которой хочет заставить его заниматься директор). Тем самым он оказывается внутри некоторой как бы любовной истории, где опознают друг друга по инициалам и указывают так, но не внутри буржуазной упорядоченности жизни. Ему как раз такая упорядоченность не нравится в слишком деловой и хваткой музейной молодежи и вообще в аккумуляции жизни вокруг богатых центров.

Наконец, Матвеева приводит самый мелодраматический из беллетристических аргументов, а именно, что Крамской не любил писать портреты, а хотел прославиться как автор библейских и исторических картин, которые и введут его в бессмертие. Но он не мог по бедности ни выехать в Палестину, ни нормально нанять натурщиков: при создании главного полотна, оставшегося незавершенным, «Хохот» (Осмеяние Христа), он использовал бутафорию [Матвеева, 2023б: 136], вдохновлялся крымскими руинами и подмосковными пейзажами, и в этом смысле был примером экономного художника. Матвеева упоминает о склонности Крамского к автопортретам [там же: 131], но эта склонность больше всего говорит как раз о бедности, необходимости экономить на натурщиках. Тем самым получается, что глубокое чувство к другу «В.» — то есть к Федору Васильеву, Матвеева приводит [Матвеева, 2023а: 166—168] последнее письмо Крамского к нему — это узнавание в друге натурщика, что соответствует античной этике *alter ego*, но понятой по-передвижнически буквально. Заканчивает очерк Матвеева моралью, что Крамской не любил писать портреты, но портреты его и обессмертили — то есть, если исходить из позиции Немиловой, все люди на портретах известны, и неизвестных остаться не должно.

В рассказе Матвеевой как раз невозможна предпосылка, что известны все, кого изображал «К.», иначе бы у нас не было искусствоведческих тайн, и искусствовед Ким Борисович не был бы похож на Немилкову как на идеал искусствоведческой работы. Поэтому бессмертие ему достается иначе, гомеровским путем. Отношения К. и В. напоминают отношения Ахилла и Патрокла, плач Ахилла над молодым убитым Патроком. Тогда становится понятна нелюбовь Крамского к Венере Милосской — Матвеева в рассказе цитирует подлинное письмо художника [там же: 164] — это не равнодушие интроверта [там же: 169] к женщине, а просто память о том, что Афродита была на стороне троянцев. Гомеровский код продолжается и далее: например, эрмитажный эксперт Татьяна Петровна ведет себя в кафе так, будто обнаружила

«золото Шлимана» [там же: 176]. Иначе говоря, именно гомеровское и классическое понимание друга как *alter ego* позволяет превратить бедность Крамского, экономившего на натурщиках, в бессмертие, которое дает только дружба в античной этике. Друг готов пожертвовать ради тебя и сохранить память о тебе как о полубоге в веках — такова античная этика дружбы как главного ресурса бессмертия благородного человека, отраженная в «Никомаховой этике» Аристотеля и диалоге «Лелий, или о дружбе» Цицерона (см. напр. [Апресян, 2000]). Татьяна Петровна предлагает бессмертие для Кима — выпустить его книгу большим тиражом [там же: 171], то есть как бы сделать ее искусствоведческим гомеровским эпосом; и тем самым та угроза, о которой говорила Немилова, оказывается исключена не только тем, что цитата из нее не приводится до конца в другом рассказе, но и тем, что вместе с ее именем спасены в книге Матвеевой и имена других искусствоведов. В этом смысле туристическое внимание к небольшому городу с картинной галереей и позволяет сделать бессмертным не только творчество художника К., но и исследования о нем.

И здесь мы подошли к центральному моменту блага и бремени туризма в этом рассказе, а именно, к теме русского авангарда. Как раз коллекция авангарда, описанная в рассказе — стандартная для многих областных и даже районных музеев. Дело в том, что вопреки общему представлению о том, что авангард был быстро погребен под большим стилем соцреализма, ученики И. И. Бродского и другие соцреалисты не успевали производить столько полотен, чтобы заполнить музеи, а не только великие стройки и административные учреждения. После диссертации [Карасик, 2003] и ряда новых работ [Ефиц, 2020] мы знаем, что гонения на авангард в 1930-е годы были идеологически яростными и мотивированными, но не могли привести к полному исключению авангардных работ даже из экспозиций, не говоря об их уничтожении в фондах — правила хранения советского искусства этому препятствовали. Поэтому, собственно, для местного музея проводить выставку авангарда — это воспроизводить некоторый стандарт. Образцом такого стандарта в рассказе является кафе как главное место встречи всех героев, кафе с московскими ценами.

Тогда как настоящий пример туризма в малый город выстроен в рассказе очень подробно. Прежде всего, во главе такого настоящего туризма стоят не праздные люди, а эксперты, которые могут понять, что как раз уникальное знание и может быть поименовано, создать не просто воспроизводимый бренд, а неповторимое имя города. Воспоминание имени превращается из вопроса искусствоведческой экспертизы в вопрос отношения главного героя, сотрудника местного музея, со всей научной общественностью. Далее, социальные связи должны строиться не как связи признания, но как экспедиционные: по сути все герои оказываются в одной экспедиции, в одном походе или эксперименте, в чем тоже проступают родовые черты современной уральской литературы. Эта экспедиция и позволяет превратить код просто уникальности и самобытности в гомеровский код, а странную репутацию предпередвижничества и передвижничества возвысить до неповторимости и сохранения каждого живого имени. Наконец, традиционные экскурсии в информационную эпоху не могут уже существовать в прежнем виде: среди публики может оказаться знаток и эксперт, умеющий увидеть литературное в биографии художника (например, тот же гомеровский прототип). Поэтому система мастер-классов, постоянных иронических дискуссий разных поколений, которые и составляют содержание этого как бы чеховского рассказа, но с оптимистическим финалом, и позволит уберечь портреты от забвения.

Список источников

- Апресян Р. Г. От «дружбы» и «любви» — к «морали»: об одном сюжете в истории идей // Этическая мысль. 2000. № 1. С. 182—194.
- Гаспаров М. Л. «За то, что я руки твои...». Стихотворение с отброшенным ключом // Он же. Избранные труды. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 187—196.
- Ефиц А. Говорить и показывать: к истории музейного этикетажа // Альманах Центра экспериментальной музеологии. Т. 1. М.: V-A-C, 2020. С. 107—154.

- Карасик И. Н. К истории петроградского авангарда 1920—1930-е годы (События, люди, процессы, институты). Диссертация... доктора искусствоведения. Москва, 2003.
- Кульгавчук М. В. «О жизни, о жизни - и только о ней...». Анна Матвеева // Вопросы литературы. 2016. № 6. С. 127—138.
- Матвеева А. А. Армастан. Я тебя тоже. М.: АСТ, 2023. 256 с.
- Матвеева А. А. Известная. Неизвестная — Иван Крамской // Новый мир. 2023. № 5. С. 125—142.
- Немилова И. С. Загадки старых картин. Издание 3, исправленное и дополненное. М.: Художественная литература, 1989. 352 с.
- Пынина Т. Ю., Савастенко Р. А. Роль П. М. Третьякова в истории русского искусства // Вестник славянских культур. 2016. Т. 40. № 2. С. 233—244.
- Садовникова Т. В. Повесть Анны Матвеевой «Итальянское вино» как энологическое путешествие // Дергачевские чтения-2011. Выпуск 10. Т. 2. Екатеринбург, 2012. С. 329—333.

References

- Apresyan, R. G. (2000). *Ot "druzhyby" i "lyubvi" — k "moralii": ob odnom syuzhete v istorii idey* [From "friendship" and "love" to "morality": about one plot in the history of ideas]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought] 1: 182—194.
- Gasparov, M. L. (1997). *"Za to, chto ya ruki tvoji". Stikhotvoreniye s otbroshennym klyuchom* ["For the fact that I am your hands ...". A poem with a discarded key]. *Selected works* Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ. pp. 187—196.
- Yefits, A. (2020). *Govorit' i pokazivat': k istorii muzeynogo etiketazha* [To speak and show: to the history of museum etiquette]. *Al'manakh Tsentra eksperimental'noy muzeologii* [Almanac of the Center for Experimental Museology.]. Vol. 1. Moscow, V-A-C Publ. pp. 107—154.
- Karasik, I. (2003). *N. K istorii petrogradskogo avangarda 1920-1930-ye gody* (Sobytiya, lyudi, protsessy, instituty) [On the history of the Petrograd avant-garde in the 1920s—1930s (Events, people, processes, institutions)]. Dr. Sc. Thesis. Moscow, 2003.
- Kul'gavchuk, M. V. (2016). *"O zhizni, o zhizni - i tol'ko o ney..." Anna Matveyeva* ["About life, about life - and only about it ...". Anna Matveyeva]. *Voprosy literatury*. 6: 127—138.
- Matveyeva, A. A. (2023a). *Armaстан. Ya tebya tozhe* [Armaстан. I love you too. Novels and short stories]. Moscow AST Publ.
- Matveyeva, A. A. (2023b). *Izvestnaya. Neizvestnaya — Ivan Kramskoy* [The Known. An Unknown — Ivan Kramskoy]. *Novyi Mir*, no. 5, pp. 125—142.
- Nemilova, I. S. (1989). *Zagadki starykh kartin* [Riddles of old paintings]. Edition 3, corrected and enlarged. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ.
- Pynina, T. Yu., Savastenko, R. A. (2016) *Rol' P. M. Tret'yakova v istorii russkogo iskusstva* [The role of P. M. Tretyakov in the history of Russian art]. *Vestnik slavyanskikh kultur*. 40 (2): 233—244.
- Sadovnikova, T. V. (2012). *Povest' Anny Matveyevoy "Ital'yanskoye vino" kak enologicheskoye puteshestviye* [The story of Anna Matveyeva "Italian wine" as an oenological journey]. *Dergachevskie chteniya-2011* [Dergachev readings-2011]. Issue 10. Vol. 2. Yekaterinburg. pp. 329—333.

Статья поступила в редакцию 16.06.2023; одобрена после рецензирования 19.06.2023; принята к публикации 28.06.2023.

The article was submitted 16.06.2023; approved after reviewing 19.06.2023; accepted for publication 28.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Александр Викторович Марков — доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия. E-mail: markovius@gmail.com

Aleksandr V. Markov — Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, E-mail: markovius@gmail.com

---

Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 3. С. 68—72.

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2023. No. 3. P.68—72.

Эссе

УДК 82-4

DOI: 10.54347/Lab.2023.3.5

**ВЫЧИТАНИЕ ЧЕЛОВЕКА У МИГЛЕНА НИКОЛЧИНОЙ:
ПО ТУ СТОРОНУ АВТОМАТИЗАЦИИ И АНИМАЛИЗАЦИИ**

Камелия Спасова

Софийский Университет «Св. Климент Охридский»,
г. София, Болгария, k_spasova@slav.uni-sofia.bg

Для цитирования: Спасова К. Вычитание человека у Миглены Николчиной: по ту сторону автоматизации и анимализации // *Labyrinth: теории и практики культуры. 2023. № 3. С. 68—72.*

**THE SUBTRACTION OF A PERSON FROM MIGLENA NIKOLCHINA:
ON THE OTHER SIDE OF AUTOMATION AND ANIMALIZATION**

Kamelia Spassova

University of Sofia, Sofia, Bulgaria, k_spasova@slav.uni-sofia.bg

For citation: Spassova, K. (2023) Vychitanie cheloveka u Migleny Nikolchinoi: po tu storonu avtomatizatsii i animalizatsii [The subtraction of a person from miglena nikolchina: on the other side of automation and animalization], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 3, pp. 68—72.

1. Человеческий квадрат: между статусами Бога, работа и животного

«Бог с машина. Изваждане на човека (от романтизма до трансхуманизма)» / «Бог с машиной. Вычитание человека (от романтизма до трансгуманизма)» Миглены Николчиной ставит перед собой нелегкую задачу мыслить будущее человека. Отсюда и диагностическая и прогностическая функции книги: указывать на кризисы и неудачи гуманистических, просвещенческих и политических проектов, заодно с усилием изобретать картины будущего при помощи литературы и искусств. То, что ведет к исчезновению человека, это его переплавление либо в животное, либо в машину. Книга прочерчивает условия (возможности) другого пути: *вычитания человека* как процесса возобновленного прочерчивания минимальных различий в рамках *человеческого квадрата* (концептуальной фигуры, прорисованной Николчиной). Стороны этого квадрата — *человек, животное, робот и Бог*. Согласно антропологическому прогнозу книги «Бог с машиной», человек является местом сопряжения двух сил: *вочеловечивания* в смысле усилия стать человеком и *расчеловечивания*

в смысле утомленности и инерции, ведущих к анимализации и автоматизации. Вычитание человека происходит по ходу его исторического и теоретического отмежевания от марионетки, Бога и животного.

Работа идет в направлении, противоположном как трансгуманизму с его упором на инженерную доработку человеческого, так и *animal studies* с их попытками уравнивать человека и животное. Если, с одной стороны, биотехнократы стремятся приблизить человека к машине, то на другом конце шкалы возможностей антрозоология показывает нам человеческое как не представляющее собой исключения, а как часть более широкомасштабной системы общения между человеком и животным. Общий знаменатель этих двух тенденций это, по мнению Николчиной, *биополитика*, которая работает над вытравлением границ между политической машиной и органической жизнью.

Термин «вычитание человека» перенят у французского философа Алэна Бадью и обозначает *утверждающую сторону отрицания*. Понятие призвано вытеснить дискурс об исчезновении человека, но также и предложить утверждающий остаток при любой операции отрицания — через дифференциацию, вычитание и превращения. Поэтому и ведущей эстетической категорией для книги «Бог с машиной» оказывается введенная в обращение Фрейдом категория *обеспокоительно-странного (unheimliche)*: таким образом демонстрируется/выясняется, что любое отрицание чревато риском сближения живого и мертвого; человеческого и нечеловеческого; органичного и механичного; познанного и непознанного. Николчина не только знакомит нас с этими опасными сближениями автомата и человека, но и конструирует своеобразную *антропологическую таможню*, где различия между ними выводятся наружу.

2. Техномахия: живое как мысль и сопротивление

Таким образом, человеческое концептуализируется динамически, а не статически (путем фиксированных определений). Человеческое есть то, что в историческом плане меняло свой оператор отмежевания: человек домогается до тождества с Богом, приближается к животному, хочет быть машиной, но не является ни одним, ни другим, ни третьим. Книга вводит читателя в историю этих стремлений и несовпадений как меняющихся границ человеческого.

Несмотря на все трудности, граница проведена. Николчина настаивает на несовпадении, которое дает возможность несбоя *антропогенетической машины*. Это колоссальная битва за отстаивание человеческого как места бунта. Залог — поставить человека на сцену европейской мысли в его противоречивости и процессуальности; понимать его как множественного, внутренне расщепленного и разнородного. В этом смысле битва ведется и против современных идеологических аппаратов, оперирующих тщательно выработанными этикетками. Они отдают предпочтение классификации субъекта по идентичностным характеристикам, таким как пол, род, среда, чтобы скомпоновать свой хорошо спланированный гербарий, где за человеком не предусматривается право перемещения. По мнению автора, силы сопротивления против такой гербаризации надо искать в философии, литературной теории, политическом и поэтическом мышлении.

Николчина ищет способ перейти по ту сторону пессимистичного замечания Агамбена, что человек как проект кончен. Исследование охвачено порой тревожностью Кассандры, что наиболее мрачные (само)предсказания сбываются, поскольку не переработаны травмы недалекого прошлого (восточноевропейский интеллектуальный опыт), а также тем, что нет видения масштабного политического проекта: человек, охваченный прежде утопией, ныне охвачен апатией, парализовано усилие по конструированию (нового) проекта.

Все-таки исследование предлагает известные версии будущего, поскольку показывает, что человек является не только научно-техническим проектом, но и поэтическим

произведением. В битве за вычитание человека из биополитических ловушек участвуют на равных основаниях философско-теоретический и эстетический типы опыта. Универсальность и уникальность человека, каким очерчивает его книга, обнаруживаются в его установке на становление и преодоление. Он обретает силу для своего последующего видоизменения не только благодаря техническим усовершенствованиям, но и воображению. Это, в основе своей романтическое, представление ретроактивно восстанавливает внутренние чувства (т.е. расположенность воспринимать через посредство) поэзии и снов, эстетического и семиотического — в тех случаях, когда дело доводится до истощения, заикливания, паралича либо лимитирования человеческого.

Так мы сможем увидеть, что книга про «вычитание человека» является книгой о живой мысли или же о живом-как-мысли. Технократы и сектор корпоративных информационных технологий пытаются продемонстрировать нам все более завидные умения искусственного интеллекта в оправе точных наук, полностью пренебрегая усилиями в поле гуманитарных. Исследование Николчиной обнаруживает невозможность продвижения вперед идеи искусственного интеллекта без сопровождающего усилия, гуманистического по своему характеру, переосмыслить человека как живую мысль. А также без хорошей ознакомленности с традицией имажинации и репрезентации робота в литературе, кино, визуальных искусствах и видеоиграх. Книга отстаивает в равной мере и новое расчерчивание границ человеческого, и идею искусственного существа как проекта сначала художественного, а уж затем технологического.

3. Архитектоника книги: Мёбиусовый переход между «Человеком-утопией» и «Квадратурой человека»

Архитектоника «Бога с машиной» сложная: поскольку она вмещает в себе несколько книг, она предлагает читателю *n-мерную* вселенную. Предисловие и эпилог указывают на центральный нерв исследования — словами: «бунтую, следовательно мы будем». В издание включены две книги Николчиной — «Човекът-утопия» («Человек-утопия») и «Квадратура на човека» («Квадратура человека») (в свою очередь трехчастная: «Незавършен проект» («Незаконченный проект»), «Повеля за свобода» («Обязательство свободы») и «Transumanar» («Сверхчеловеческий»). Основной тезис, что человек внутренне расщеплен и противоречив, распят между устремленностью и неудачей стать то Богом, то автоматом, находит свое отражение на уровне композиции исследования. Налицо внутренний разрыв между первой и второй книгами, они образуют своеобразную ленту Мёбиуса, в которой представление о человеке-утопии (о том, кто не хочет быть человеком, а чем-то больше) и квадратура человека (продолжение быть человеком несмотря на изменяющиеся границы человечности) не два противостоящих друг другу воззрения, а кручение одной и той же плоскости в разных контекстах.

«Человек-утопия» — это книга, опубликованная Николчиной еще в 1992 г. Книга подходит к проблематике человеческого сквозь призму мифопоэтического, ориентируясь на жанр научной фантастики. Здесь возвышение¹ человека мыслится оптимистически сквозь призму антропохронотопов, созданных инстанциями как ученого-конструктора, так и художника, а также силою воображения и творческого экспериментирования. Это всегда алхимический переход по ту сторону; трансформация действительного; проступание радикально неналичного (другие пространства, другие времена, встречи с нечеловеческим). Человек показан «почти прозрачным иногда, просто просишь к необъятным видам» [Николчина 2022: 73]. Книга писалась в 80-е годы XX века и несет отпечаток возжелания свободы как ведущей онтологической и политической ценности, как жажды плюрализма в смысле свободного парения в вавилонской библиотеке по ту сторону следования за конкретными авторитетами, как расширения кругозора чувств в смысле промелькания мечты об ином мире.

¹ Имеется ввиду что-то вроде алхимической сублимации человеческого — трансформирование человека в нечто большее, чем он.

Такое начало, кроме оптимизма проективного мышления в терминах утопии, дает нам представление о сложной ситуации, в которой совмещаются желание о политическом переходе, переменнах и деидеализации, *трупы утопий*, разочарования, несбывшиеся послания, подписанные Николчиной сегодня.

«Бог с машиной» воздействует на нескольких уровнях одновременно — поэтическом, политическом, философском и (общетеоретическом). И если первая книга, «Человек-утопия», обнаруживает мифопоэтический потенциал письма, то вторая, «Квадратура человека», показывает, что можно делать силою теории и философии. Читатель припоминает, что можно делать хорошей континентальной философией (Кристева, Агамбен, Бадью, Дерида, Делёз, Долар, Аленка Зупанчич). Здесь некоторые из литературных примеров, подхваченных в первой части, рассматриваются заново, но при помощи сложного концептуального ключа. Здесь автоматы Гофмана, но и автоматы у Гомера, чудовище Мери Шелли из «Франкенштейна», марионетки Клейста, ангелы Рильке, машина из «Маски» Ст. Лема, роботы Чапека и Светослава Минкова. Очерченная парадигма литературных примеров сопутствует мысли Николчиной и наглядно показывает флуктуации ее теоретических гипотез. «Репертуар» увязок между теорией и примерами разворачивается не только в отношении литературы, но и кино («Ex Machina: Бог из машины» и «Devs» Алекса Гарланда, «Боевая звезда “Галактика”»), «Пришелец» Ридли Скотта и др.) и видеоигр («Эффект массы», «Рыцари старой республики», «Детройт: стань человеком»). Поэтому не удивляет, что в конце монографии, кроме традиционной библиографии, фильмография и лудография.

«Бог с машиной» четко добавляет болгарскую точку зрения, исследуя сражения во имя свободной мысли как событие и как сопротивление против идеологической машины в 60-ые и 70-ые годы XX века, в котором участвовали Атанас Натев, Цветан Стоянов, Исак Паси, Димитр Аврамов, Цветан Тодоров, Юлия Кристева. Они опознаны как интеллектуалы, защищающие сложное мышление против идеологических трафаретов. В этом смысле Николчина опознает их как своих учителей, она связывает их проект с идеями поколения бунта 80-х и 90-х. Таким образом то, что первая книга подает как историческую (футурологическую) перспективу (т.е. утопии 80-ых), во второй обзревается с критической дистанции, при этом выводится генеалогия истории болгарской теории, рассматриваются эффекты этой теории на современность.

«Бог с машиной. Вычитание человека» — образец мощной и масштабной теоретической прозы. Книга мыслит человека как всевозможного (возможность всего), но и как неспособного на примирение с наличным; указанная неспособность и обуславливает эту всевозможность. Исследование одаривает своих читателей выработкой своей собственной генеалогии, поскольку показывает взаимную переводимость мысли восточных и западных интеллектуалов и писателей — Мамардашвили Альтюссера; Минкова и Чапека; Кафки и Лема, Юлии Кристевой и Цветана Стоянова. В этом опыте сближения исследование неуклонно в своем внимании к детали и контексту — оно ищет различия и политические (де/) эффекты там, где идеология унификации легко нивелировала все. Понятие «гетеротопная омонимия» — инструмент, разработанный Николчиной еще в «Изгубените еднорози на революцията» («Потерянные единороги революции», 2012), чтобы выделить различия в концептуальных аппаратах восточных и западных интеллектуалов. При его помощи она обнаруживает за одними и теми же именами понятиями совершенно разные идеологии. Различие между Мамардашвили и Альтюссером в их понимании субъекта превращают «„человека“ в самый рельефный/выразительный пример гетеротопной омонимии, отменившей собой десятилетие после конца Холодной войны» [Николчина 2022: 232].

Но это перевертывание и несовпадение обнаруживается не просто в отношении понятия «человек», а учитывая сложное философское противоречие между *антигуманизмом* и *гуманизмом*, поскольку на Западе, и прежде всего во французской теории, во второй половине XX века авангардное мышление проходит по знаком антигуманизма, тогда как восточные интеллектуалы строят представления о человеке с позиций

гуманизма. И мы тоже в состоянии увидеть предлагаемый Николчиной человеческий квадрат как приводимый в движение не только фигурами человека, Бога, автомата и животного, но и как занимающий положение в сторону от осей гуманизм-и-антигуманизм, утопия-и-антиутопия.

Общее, или то, что автор выводит как *differentia specifica* человека, это его *видоизменение*: желание превзойти, протетическое видоизменение ради перерастания любого чина, знакомое еще по Пико делла Мирандола в «Речи о достоинстве человека». Эта установка идет еще от Данте и присутствует в его неологизме, что человек — это *trasumanar*: тот, кто может перейти по ту сторону человеческого как в отношении пространства (и таким образом достигнуть нечеловеческих мест), так и в отношении времени — человек может проецировать себя в качестве будущего, как утопию.

Николчина ищет опору для своей мысли, что суть человека в переходе по ту сторону человека, у Эсхила, Данте, Мирандолы, Ницше, русских космистов, но прежде всего — в литературе романтизма и научно-фантастической прозе. Тем самым потенциал человеческого видится не просто в техниках (технологии) самого перехода (превосхождения), но в свободной воле, воображении, самом выборе предпринять переход по ту сторону. Этот момент (а точнее «диспозитив» в смысле М. Фуко) хорошо известен гуманитариям, но он забыт радателями трансгуманизма, которые видят лишь техническую сторону человеческого (и его превосхождения). Гетеротопная омонимия — это инструмент, при помощи которого Николчина артикулирует несовпадения, но и еще четче иллюстрирует положение, что сама идея человека предполагает существо, которое никогда не совпадает с самим собой. Человеческое — это движение и смещение, утопическая и антиутопическая качка, человеческое можно выследить лишь в историко-теоретических нарративах. Такие нарративы «Бог с машиной» нам без устали предлагает.

Симптоматично, что эпилог книги посвящен фигуре Кристевой — сквозь тему о *революции и времени*. Так налаживается связь между эмблематической книгой «Смысл и майцеубийство» (1997; пер. на рус. «Значение и матереубийство. Традиция матерей в свете Юлии Кристевой») и одним все еще предстоящим исследованием Николчиной о Кристевой. Диагноз нашей современности в том, что отсутствует масштабный проект, из-за имплозии политического и краха Запада как интеллектуальной утопии. Такой финал «Бога с машиной», однако, снова выводит на передний план «время бунта» как необходимый антидот, как проекцию, которая даст нам смелость преодолеть настоящую все большую *автономизацию автомата* и риск стирания человеческого.

Николчина показывает нам, что авангард мысли никогда не является лишь технологическим, он всегда теоретико-эстетический. В конце концов, человеческое видится в риске и беспокойствии, описывающем разные интеллектуальные траектории. Мы не должны удивляться тому, что работа порой соглашается с вердиктом: да, с человеком покончено. Это лишь первый (полу)шаг, за которым следует несогласие: и все-таки человек впереди.

Информация об авторе / Information about the author

Камелия Спасова — доцент античной и западноевропейской литературы в Софийском Университете «Св. Климент Охридский», г. София, Болгария. E-mail: k_spasova@slav.uni-sofia.bg

Kamelia Spassova — PhD, Associate Professor of Comparative Literature in the Literary Theory Department at the University of Sofia. Sofia, Bulgaria. E-mail: k_spasova@slav.uni-sofia.bg

Информация о переводчике / Information about the translator

Йордан Люцканов — доцент по русской литературе кафедры сравнительной литературы, Институт литературы Болгарской академии наук, г. София, Болгария.
E-mail: yljuckanov@gmail.com

Yordan Lyutskanov — PhD, Associate Professor, Institute of Literature of the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria. E-mail: yljuckanov@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR THE AUTHORS

---

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу <https://labyrinth.ivanovo.ac.ru>.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся имя, отчество и фамилия автора, название статьи, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы);

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (имя, отчество и фамилия, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта));
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- название статьи на английском языке;
- имя и фамилия в транслитерации (в латинском алфавите). Правила перевода с кириллицы на латиницу см.: <http://www.langust.ru/etc/translit.shtml>;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

Электронное издание

LABYRINTH
Теории и практики культуры

Научный журнал

№ 3 — 2023

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Корректор *О. Н. Масленникова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Е.Е. Андреевской*
Дизайн обложки *А. Евлоевой и В. Усачёвой*

В оформлении обложки использована фотография города Плеса

Подписано к использованию 26.09.2023 г.

Уч.-изд. л. 6,0. 7,1 МБ. Тираж 50 экз.

1 электронно-оптовый диск (DVD-ROM); 12 см

Системные требования: программа чтения файлов в формате PDF 1.5

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru